50 коп.

С. КРУШИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ О ТУРКСИБЕ

ОГИЗ·МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1931

СЕРГЕЙ КРУШИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ О ТУРКСИБЕ

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Обложка худ. М. Пикова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮНОШЕСКОЙ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1931

7-я
типография Мосполиграфа
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Москва, Филипповский, 13.

Главлит № А 87.810
З. Т. 2721. М. Г. 5475 Инд. Д.
Тираж 15.250

Стат А5 – 148×210 мм 6 п. л. 1/16 д.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

После революции в нашей стране строились только подъездные пути к старым железным дорогам и достраивались магистрали, заложенные до Октября. Турксиб — первая советская магистраль. На всем земном шаре это первая дорога, на которой никто не набил карманов. Ее строили не капиталисты руками рабочих, а сами рабочие для трудящихся всей страны. Вся страна и «нажилась» на постройке.

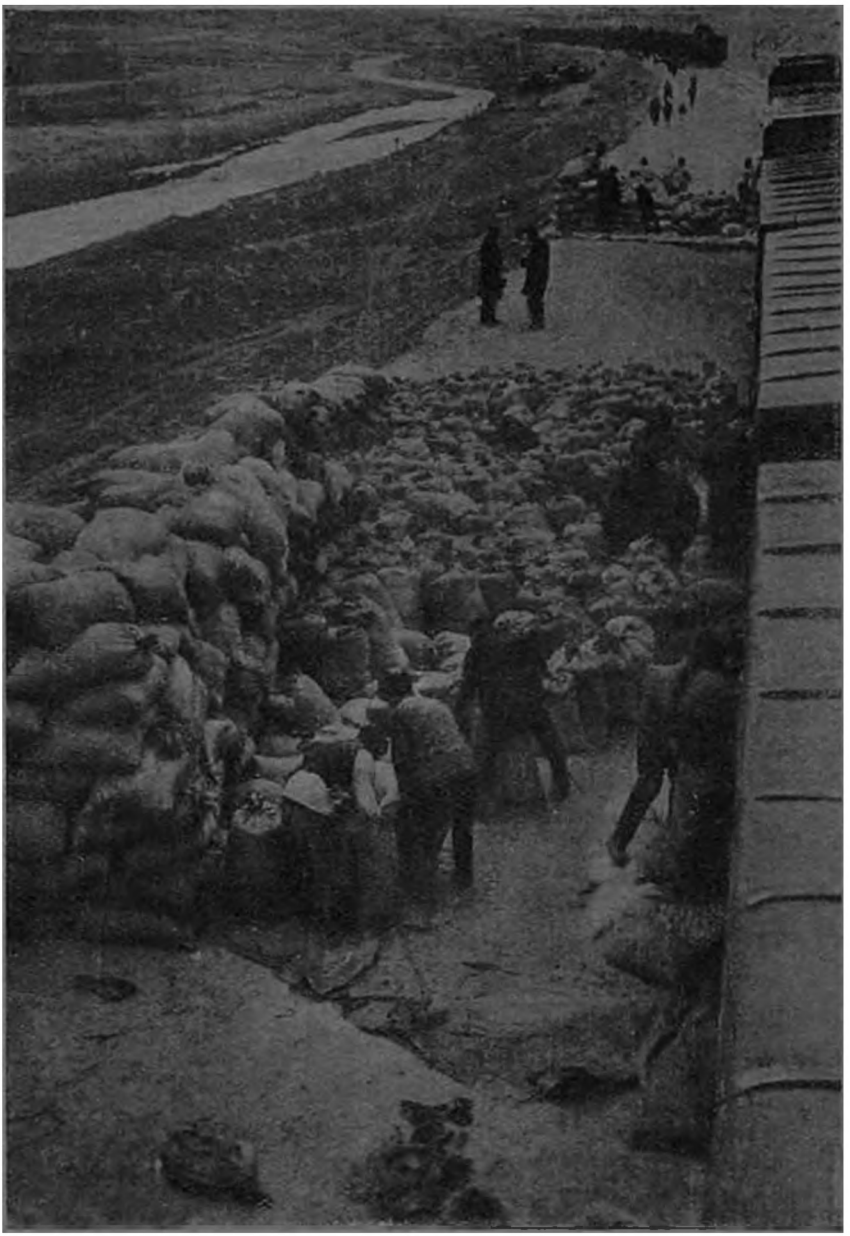
Турксиб — первенец пятилетки, детище большевистского плана и ударного, самоотверженного труда.

В бураны и под палящим солнцем, через безлюдные и безводные степи, через сыпучие пески и каменные кряжи прокладывались рельсы.

Книгу о трехлетнем славном строительстве я называю героической повестью. Мои герои не выдуманы. Гнусарев, Бубчиков, Борискин, Шатов и еще четверо при открытии дороги получили звание героев труда. Правительство наградило орденом Трудового красного знамени и весь коллектив строителей Турксиба.

Некоторые краснознаменцы и теперь работают на Турксибе. Другие — и в их числе командоры укладок Гнусарев и Бубчиков — прокладывают новые рельсовые пути.

С. К.



Сибирский хлеб просится в Туркестан

ПЕРВЫЙ ОЧЕРК

Над Курдаем вьются самолеты. — «Форды»
В Прибалхашьи. — Ход по Чокпару.

Каждый день из Москвы идут поезда на юго-восток, в страны солнца, хлопка и винограда. Если вы перед Ташкентом повернете на север, к Семиречью, через сутки поезд остановится у зеленого города Фрунзе, уткнувшись в подножье горного хребта Ала-Тау.

Другие поезда подступают к Семиречью с севера.

Прорезав Уральский хребет и сибирские хлебные равнины, они останавливаются у многоводного Иртыша, в предместьи Семипалатинска.

Ночью паровозы прохаживаются по маленькой станции и пронзительными свистками бередят покой большой сибирской реки. Поезда просятся в Туркестан с сибирским хлебом и лесом.

В преддверии Туркестана, возле города Фрунзе, тоже трубят паровозы. Они просятся в Сибирь с туркестанскими фруктами, рисом и хлопком. Напрасно. Туркестан от Сибири отделяют 1400 километров бездорожья.

Взгляните на карту. На ней между Фрунзе и Семипалатинском расплылось белое пятно безлюдья и бездорожья. На пустырях развалились горные кряжи, растеклись пески. Через пески и горы идут караваны верблюдов, но для паровозов дороги нет,

Поезда идут в обход, и путь их имеет форму подковы. От Семипалатинска до Фрунзе поезда пробегают 7000 километров, и сибирское дерево в Ташкенте, Самарканде и во Фрунзе продается на килограммы, а хлеб стоит так дорого, что киргизы, узбеки, таджики сеют на плодородных лессовых землях пшеницу вместо хлопка и риса.

Текстильные фабрики посылают в Туркестан тревожные гудки: они просят хлопка. Туркестан просит хлеба. Между хлебом и хлопком залегла пустыня.

Осенью 1926 г. правительство отдает приказ: соединить Туркестан с Сибирью прямым рельсовым путем.

* * *

Плутая между камней, на крутые бока Ала-Тау взбирались автомобили. Они шли без рубах, и от обнаженных моторов струился зной. Несколько раз машины останавливались перевести дух, шоферы открывали кипящие радиаторы и подливали воды, а пассажиры переминались на затекших ногах или валялись в траве.

В полдень машины достигли перевала. Отряхаясь от пыли, высадились пассажиры. Разложили на траве разнокалиберные чемоданы и тяжелые футляры с инструментами, разбили палатки и поспешно, словно торопились в учреждения, и ловко, как дома, где все под руками, расположились на камнях обедать.

Утром наших путешественников видели на широченных фрунзенских улицах, а после полудня они расставили между камней треножники теодолитов и, измеряя крутизну склонов и изгибы долин, нанесли на гремящие листы чертежной бумаги первые торопливые линии.

Горное солнце обжигало лица; было так жарко, что некоторые работали без рубах.

Ночью подул ветер.

Цепляясь за камни и кусты, через перевал перелезали облака, холодные и мокрые. Кубарем скатывались с перевала и плыли, расправив паруса, над долинами. Изыскатели на-

низали на себя все захваченные костюмы — белые летние костюмы — и укрылись в палатках, но облачная сырость пробиралась и туда. К утру горы оделись в снеговые чехлы.

Так встретил изыскателей Курдай.

***

Перехода через Ала-Тау искали в четырех направлениях. Два — Курдайский и Кокпатасский—считались подающими надежды. Только в обе стороны они обрывались слишком круто, и первое время предполагалось, что по ним пойдут лишь электропоезда. Потом нашли ход, доступный для тройной паровозной тяги.

Большим препятствием для поездов могли послужить ветры.

Курдайские ветры способны остановить поезд. Ветры опрокидывали автомобили изыскательских партий, срывали палатки и, скомкав их, бросали в ущелья. Очутившись среди ночи под открытым небом, разведчики ловили направление ветра, определяли его скорость и писали изыскательские журналы, пользуясь лунным светом.

Перетаскивая с пригорка на пригорок длинноногие съемочные инструменты, изыскатели лазили по горам, чертили карты, измеряли глубину и стремительность рек, распознавали крепость горных пород.

Вечером где-нибудь в долине разведут разведчики костер, поставят чайник и, усевшись в кружок, обсуждают результаты дневных поисков.

По тропинкам притрусят кочевники-казаки [1].

---

[1] Всюду речь идет о полукочевом азиатском народе — казаках, а не об русском сословном казачестве. До национального размежевания азиатских республик «казаки» были известны как «киргизы». На самом деле это только два родственных народа, очень близких по хозяйственному укладу, быту и языку. Научная литература дореволюционного времени различала кара-киргизов (то есть «черных киргизов») и киргиз-кайсаков. Последнее было правильным написанием слова «казаки» — так себя

— Здравствуй,—скажет один, спешиваясь и пожимая всем руки (это означает, что он будет переводчиком для своих сородичей, желающих поговорить с людьми из белой палатки).

— Что делаешь?—начинает переводчик, присаживаясь на корточки к огоньку.

— Дорогу ищем, — отвечает инженер.

— Какую дорогу надо?

— На Семипалатинск.

— Ой-бой! До холодов не дойдешь. Откуда сюда заехал?

— С Фрунзе.

— Пишпек?

— Попрежнему с Пишпека.

— Врешь, наверное. Там трахт есть. Или, может, заплутался?

— Нет, мы будем строить железную дорогу.

— Ты меня не обманывай, я дорогу видел. Из чего будешь строить? Где у тебя железо?

— Видите... Мы только изыскатели. Как бы это вам объяснить...

— Словом,—перебивает практикант, еще не износивший в горах студенческой запальчивости,—словом, мы исследуем курдайский вариант.

— Ой-бой,—тянет переводчик, окончательно ошеломленный.

А у разведчиков и тех, кто их послал, новая забота: надо пропагандировать будущую дорогу в кочевьях. Для кочевников она строится. Они живут в войлочных балаганах-юртах, всю жизнь пасут скот и редко видят кусок хлеба. Они не умеют даже накосить сена. Каждое десятилетие

всегда называл сам народ. При национальном размежевании в 1924 году кара-киргизы образовали Киргизскую автономную область, с центром в городе Фрунзе. Казаки — автономную Казакскую республику, занимающую обширную территорию от Оренбурга до Китайской границы, от Иртыша до Каспия. Турксиб от первого до последнего километра прошел по территории Казакской республики.

случается осенью гололедица. Тогда скот не может пробить ледяной корки и достать травы и гибнет. А хозяева его голодают еще пуще.

Довольно им валяться на грязных кошмах и голодать! Горы и степи в здешних местах богаты металлами и плодородным лессом.

«Довольно им голодать». На снимке — водопой возле аула. На переднем плане видна борона, возможно — первая в ауле. — «Пусть кочевники пашут землю».

Поезда привезут машины, плуги и книги, — пусть кочевники работают на заводах, пусть пашут землю, пусть учатся жить культурно.

***

В июле над Курдаем стали появляться авиаразведчики. Самолеты подымались из долины, где в дыму миражей мерцала пестрая столица Киргизской республики.

Спустимся и мы в долину.

Самолет наготове. Бортмеханик, подпрыгнув, поворачивает пропеллер своей тяжестью.

— Контакт! — восклицает он, отскакивая в сторону.

На простом языке пришлось бы сказать: винт повернут до отказа, газ в цилиндре спрессован — пускай мотор.

— Есть контакт! — отвечает летчик из кабинки.

Это означает: отойди в сторону, если не хочешь, чтобы я изрубил пропеллером твою голову.

Пропеллер коротко разрубает воздух: раз-два, и растворяется в диск. По содрогающемуся крылу механик заходит в кабинку. Самолет катится по земле, балансируя крыльями. Быстрее. Крылья, слегка вывернутые вверх, подбрасывают неуклюжую перламутровую птицу. Прыжок, другой, третий. Быстрота достигает 120 километров. Самолет отрывается от земли и плывет над аэродромом.

Мы летим на фоторазведку. Фотограф—старый воздушный волк, откупоривая квас, описывает нам географию местности.

— Кто как,—говорит он,—а я прямо уверен, что боги, ангелы и архангелы в здешних местах не проживают. Иначе они на своих облаках толпились бы перед аппаратом и мешали ра...

«ботать» застревает у него в горле. Мягкие кресла под нами проваливаются, мы летим в бездну, причем внутренности наши и кровь устремляются вверх.

Но вот самолет снова приобретает упругость, и мы разом возобновляем дыхание.

— Болтанка,— объясняет фотограф.

В жаркие дни над горами воздух кипит. Горячие струи его вихрем подымаются от земли, охлажденный воздух верхних слоев падает. В воздуховороте образуются ухабы. Самолет скачет из ухаба в ухаб.

Душно.

Мелькнули первые стайки облаков. По стеклам хлестнул дождик. Вернее, стекла по дождю: капли его расплющивались поперек окон, а на ухабах наискось, снизу вверх,

Возможно, капельки только еще набухали в облаках, и на земле дождя не было.

Вдруг нас ослепило нестерпимое розовое сияние. Облако, охватившее самолет, горело и искрилось в солнечных лучах.

Самолет качнулся. Фотограф беспокойно заглянул в кабинку управления. Все окошечко заслоняла спина пилота— неподвижная и очень надежная.

Только на земле мы узнали, что положение было неве селое.

— Сидел слепой, как котенок,—сказал пилот.

К счастью, он не растерялся, и мы вынырнули над свинцовыми тучами. Теперь они текли и плескались под нашими ногами, а над нами голубело небо.

— Как бы боженька с небушка дождичка не послал,— проорал фотограф, указывая пальцем на пол кабинки.

Через десять минут горы разделись. С самолета они не казались высокими. Между гор тянулись морщины оврагов. Овраги ветвились к вершине и имели форму деревьев. Стволы их местами были белые, как у березы. Это пенились, прыгая с камня на камень, горные речушки.

Кое-где в щелях были постройки. Дворы походили на срубы колодцев.

По увалам пригоршнями разбросаны были табуны крошечных — ростом с горошину — лошадей. При нашем приближении они пересыпались с увала на увал.

Мы кружились над перевалами. Фотограф не отрывался от аппарата (снимки его после каждого полета обрабатываются в лаборатории и склеиваются в большие фотопланы Курдая; по густоте и протяжности теней на фотографиях изыскатели распознают долины и намечают маршруты).

В последний залет мы увидели между увалами белые грибы изыскательских палаток. Фотограф бросил записку: «Предписываю оставить затею. Грохот поездов скверно отражается на моих нервах. Годы не молодые. Бог Саваоф».

На обратном пути я держался старым воздушным волком и все время торчал в окне. Далеко внизу мельтешили

птицы. Наверное, это были большие и высоколетные орлы, но с самолета трудно было причислить их к семейству крылатых.

После Курдая самый трудный переход был через балхашские пески.

На картах они отмечены россыпью точек, в натуре — это раскаленные, вязкие холмы. Пересыпаемые ветрами, они блуждают по бескрайной пустыне. Временами пустыня закипает в песчаном буране, и тогда горе караванам, застигнутым в Прибалхашьи. Люди и верблюды ложатся в раскаленный песок и, задыхаясь от жажды, ждут. И если буран продолжается день-два, о караване никто не услышит. Тропу его заметут ветры. Над трупами людей и верблюдов вырастут барханы.

И вот в песках появляются автомашины. Следы их переплетаются с верблюжьими тропами. Песчаные бураны заносят караванные тропы, но тех путей, какие прокладывали автомобили, им не занести.

Был один такой случай. Инженер и два практиканта-техника потеряли лагерь. Заночевали в песках и снова тронулись на рассвете. По компасу. Шофер правит между барханов. «Форд» утопает по ступицу. На каждых двухстах метрах буксует. Пассажиры подхватывают машину под крылья. «Форд» барахтается в песке, как начинающий купальщик, которого поддерживают за бока.

Подымается солнце. В автомобиле, что на жаровне. Воняет перегретой краской и железом. Нечем дышать. Инженер стягивает мокрую от пота рубашку. Практикант Каримов — казак — схватывает его руку:

— Что вы делаете? Хотите умереть от солнечного удара? Солнце высушит вас за три часа, и вы умрете от жажды. Где у вас вода?

Положим, вода покамест есть. Она клокочет в радиаторе. Но запасные бидоны пусты.

Шофер останавливает машину. Он не открывает радиатора — вода ударит фонтаном, и тогда на первых же ста

метрах мотор расплавится. Вода остывает медленно, закипает сразу, едва тронется машина. Но воды мало. Можно смочить рот, отвернув краник радиатора. Пить шофер не разрешает.

Пассажиры, по совету Каримова, надевают пиджаки, навертывают поверх их брезенты. В самом деле, теперь не

Песчаный ураган в Прибалхашьи.

так жарко. Не даром кочевники в самые жаркие дни ездят в шубах и меховых шапках.

Радиатор закипает все чаще. Машина задыхается. В 10 часов шофер останавливает мотор и отказывается дальше ехать.

— Проехали 50 километров. Лагеря нет. Где лагерь?

— Товарищ шофер, не помирать же здесь!

— Потерпите до ночи, не помирайте, ночью может быть выберемся.

Целый день пролежали в тени, под машиной. Это была только воображаемая прохлада: песок обжигал, от автомобиля шел угар, воздух был горяч и пуст. Ночью встретили караван, прошедший через изыскательский лагерь. Казаки указали направление, и перед рассветом «Форд» добрался до лагеря.

И все-таки труднее были изыскания на Ала-Тау. За лето разведчики на коленях излазили перевалы, но в результате можно было вести дорогу только в расчете на двойную тягу.

Осенью два молодых инженера выдвинули предложение обойти Курдай и перевалить горы в отрогах, по Чокпару. Исходным пунктом они выбрали не Фрунзе, а станцию Луговую, в 50 километрах на запад. Путь от этой станции до Семипалатинска длиннее на 130 километров, но, как говорили, стоимость дороги уменьшалась на 20 миллионов, и можно будет переваливать одним паровозом.

Изыскатели отхлынули на Чокпар.

Целое лето 1927 г. велись вычисления, взвешивались и сравнивались варианты. 28 октября вопрос обсуждался в Москве на заседании Совета труда и обороны. Изыскатели развернули на зеленых столах карты и планы, и тогда глазу правительства и глазу строителей открылся путь через горы и через пески от Туркестана до Сибири.

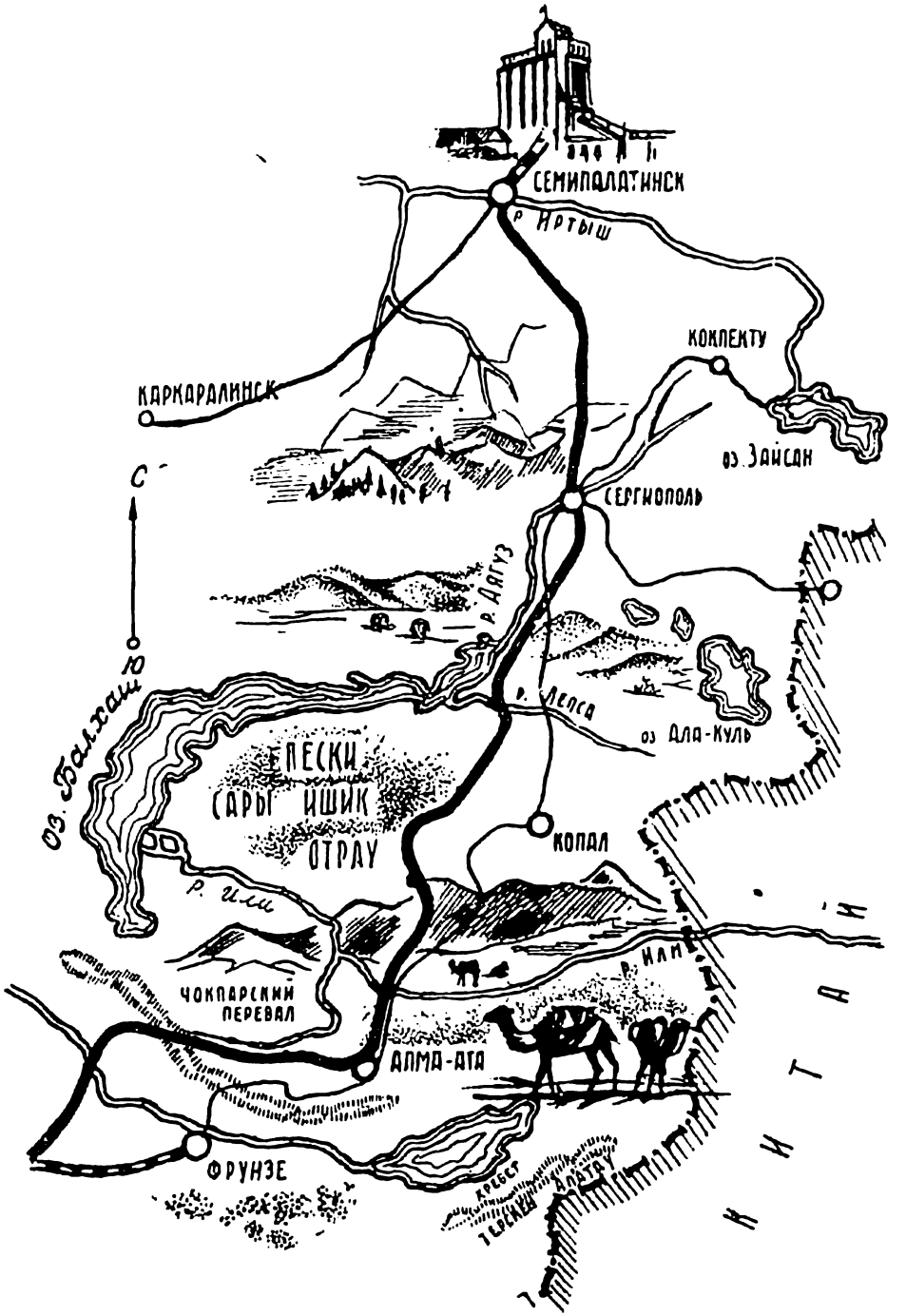
ВТОРОЙ ОЧЕРК

Ерод по каменным хребтам и песчаным равнинам. — Городок на колесах. — Казаки. — Чуйские комары.

Есть станции до того пустые и маленькие, что их трудно заметить. Вздрагивая на стрелках, поезд проходит мимо.

Вот мелькнула помятая фуражка начальника станции. Машинист на ходу схватил жезл и уже нагоняет скорость.

КАРТА ТУРКСИБА



— Какая станция? — спросит кто-нибудь спросонья.

— Забыл уже, — отвечают от окна. — Не то Степная, не то Федоровка.

Такой была станция Луговая: ничем не отмеченная, почти безымянная.

Летом 1927 г. ее узнал весь СССР. В Харькове, в Архангельске, в Рязани и Ашхабаде самые различные пассажиры — инженеры в строгих фуражках, плотники, черномазые землекопы — спрашивают билеты на Луговую. Кассиры сначала отвечают, что такой станции нет, и предлагают поехать на Луганск, а потом долго перелистывают справочники.

В Луговой поезд останавливается, из вагонов на ковыльные кочки прыгают пассажиры. Заглядывают в неуютный вокзал и с сожалением тянут:

— Какая же она маленькая.

Товарные поезда оставляют целые караваны вагонов. На разъездных путях становится тесно.

После каждого поезда население станции удваивается. Одни роют землянки, другие строят шалаши, третьи селятся в вагонах.

Каждое утро новоселы выходят с лопатами, крошат землю, везут ее в маленьких тележках к валу, удаляющемуся в степь.

Из Харькова пришли платформы с новенькими советскими рельсами.

21 ноября на новое полотно легли первые пары рельс.

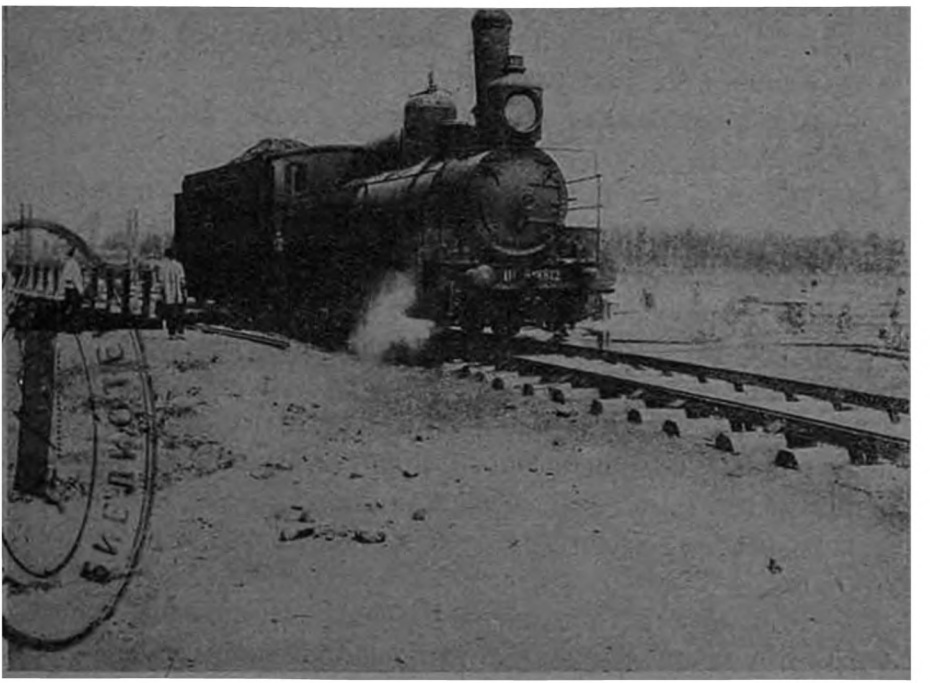
Укладчиков было немного, и за день они удалялись от станции всего на несколько сот метров. Сотни метров складывались в километры, и все дальше и дальше приходилось тащиться после работы на станцию. К тому же началась осень. Дул сырой ветер с гор.

В ночь на пятое декабря выпал снег. На рассвете, опаляя порывистым дыханием ослепляюще чистое поле, мимо крошечной станции несколько раз пробежал маневровый паровоз. Собрал сорок вагонов и угнал их по новым, зыбким

рельсам в сторону от утоптанного поездами, пропитанного нефтью полотна.

Вагоны стояли среди степи три дня. Второй раз пришел паровоз из Фрунзе и протолкнул их еще дальше от станции.

Едва поезд остановился, двери всех сорока вагонов открылись, и на землю спустились лестницы. Сам начальник



«Второй раз пришел паровоз из Фрунзе».

укладки Гнусарев лезет на столб с телефонным проводом. В передних вагонах заговорили молотки, зашипели пилы — это были мастерские. За мастерскими шли вагоны-жилища, где по 10-12 рабочих устроились на топчанах [1], сделанных в своей же мастерской, и посреди вагона стояли столы.

[1] Топчан—деревянная койка. Похожа на обыкновенную скамью, только шире.

И чем дальше уходил в степь городок на колесах, тем более жилой вид приобретал он. Не было только клуба, и вечерами рабочие собирались в последний вагон, куда всех привлекали постоянные схватки молотобойца Чижова с плотником, дедом Михалычем.

В первый же вечер между соседями по топчанам завязался спор.

Началось с того, что старик перед сном помолился.

— Ну, как, — спросил его сосед, — результат будет?

— Какой такой результат?

— А я не знаю, какого ты просил. Может быть Николашку воскресить?

— Ты мне Николашкой глаза не коли, — вспылил старик, — ты еще под стол верхом на помеле ездил, а я на Николашку по лесам ходил.

— Это вопрос, что я под стол ходил, а чего же тебе от бога надо? Может коммунистов в царство небесное определяешь?

Старик на это ответил, что, может быть, другой коммунист в душе больше всякого молится. Народ на всех двенадцати топчанах захохотал, а ободренный Чижов рассказал, как он, едучи на Турксиб, нашел записку от самого от бога.

— А написана та записка на ярлычке с квасу, видно и богу от солнца жарко, да так накорежено, что инженеры в палатке чуть разобрали. Выходит, что тряско богу на облаках.

Снова все расхохотались, и кто-то назвал Чижова комедиянщиком.

— А я так думаю,— произнес в заключение костыльщик Полумиско,— что смеяться над стариком не след. Он от темноты своей говорит. Вера в народе от темноты и живет. Например, говорят, землю бог сотворил. А в книгах прямо написано, что таких планет, как наша земля, и не пересчитать. Что же, выходит, и тех боги натворили? А теперь делают такой снаряд: пустят его на другую планету и —

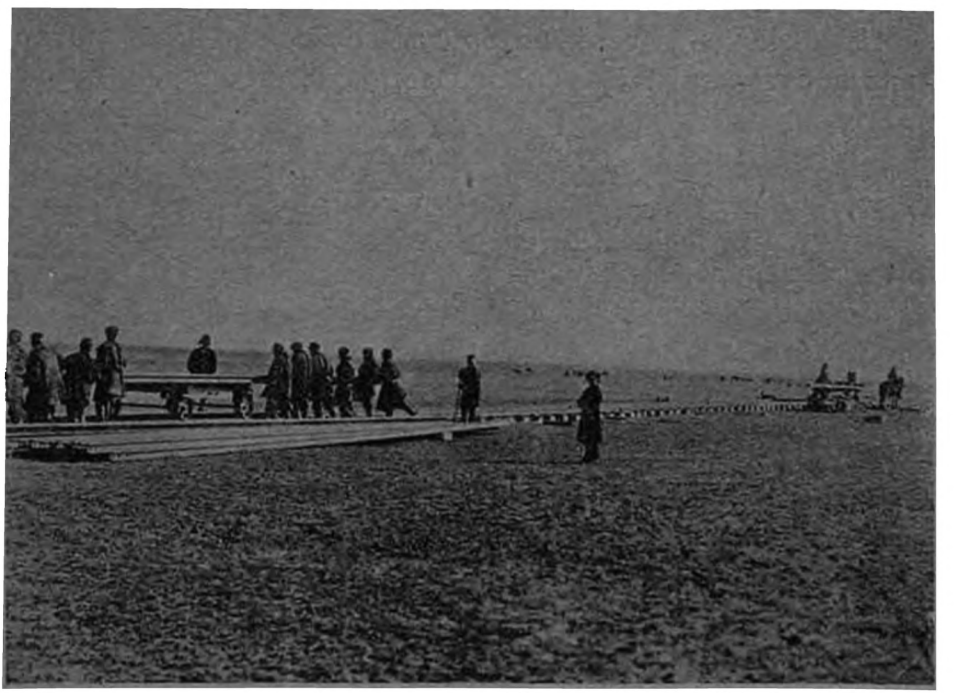
здравствуйте, пожалуйста. Может быть тот бог не творил таких людей, а они туда прилетят. Значит, бог ничего не знал. Вот и выходит, что человек такого умного сам себя сотворил, и в бога верить ему даже смешно. Вот ты старый уже, а тоже можешь это на производстве понять.

— Нет уж, какой есть, такой и в могилу лягу.

* * *

Так началась история укладочного городка.

Нельзя сказать, что начало было очень веселое. Особен-



Ждут команды.

но изводил укладчиков холод. Двери в теплушках обшили войлоком, поставили железные печки, но все-таки к утру под топчанами замерзала вода, а стены всегда были разукрашены побелевшими шляпками гвоздей и болтов. К счастью, зима в степной полосе Семиречья бывает легкая и

непродолжительная. В феврале открылись проталины. С гор навстречу городку побежали ручьи. Насыпь оплывала.

Городок ушел на Луговую и только через месяц вернулся в степь.

В Рязани, в Подмосковьи, на Урале стояли в те дни трескучие морозы, и крестьяне по три дня не выгоняли скотину на водопой.

Семиречье расцветало. Над степью ходили теплые ветры, опьянявшие сладкими запахами цветов и горечью молодой полыни. Пригорки нарядились в ярчайшие халаты из красных и голубых тюльпанов.

Из новичков населению бродячего города особенно нравился пятилетний Вовка. В первый же вечер он спросил Михалыча:

— Ты, дедушка, очень темный?

— Что так?

— Да так, папка говорит, что ты в бога веришь, потому что темная деревенщина.

Новый укладчик имел пристрастие к чтению газет. Он стелил газету на траве, ложился поперек листов и читал про волков.

По вечерам его таскали из вагона в вагон.

— А газеты пришли? — важно осведомлялся Вовка, на четвереньках взбираясь на лестницу.

— Сегодняшние, — отвечает Чижов. Берет Вовку на колени и принимается объяснять картинки:

— А вот этот, с половиной очков, — буржуй.

— А это кто, буржуй?

Если буржуй, Вовка прокалывает газету через буржуев глаз.

***

На стене вагона-конторы обрубок рельсы. Утром костыльный молоток выстукивает побудку. Укладчики прыгают из вагонов и идут под стеной городка, а потом по шпалам до вагонеток с рельсами, костылями. и гайками.

Вот к вагонетке подскакивают три пары рабочих в рукавицах и фартуках. Первая пара быстро схватывает рельсу крюком, двое других подхватывают щипцами. Все шестеро разом рванули за вальки. Рельса со стоном падает. Седьмой из растужки кричит: «Отдай назад! Будя!» В это время другая семерка сбросила левую рельсу (это называется тянуть в две нитки). Один торопливо раздвигает рельсы по рейке и каждую с обоих концов прихватывает костылями.

Вагонетка, подпрыгнув на стыке, прокатывается двенадцать метров, и снова хриповатый голос: «Отдай назад!»

За вагонеткой бегут двое схватчиков, сшивают концы рельс. Если растяжка приткнула рельсу к рельсе вплотную, схватчик кричит: «Правая, дай зазор!» Между концами должна быть пустота, иначе под тяжестью поезда рельсы выгнутся дугой.

Схватчики перебегают на следующий стык, а на их месте уже сидят болтовщики и так быстро мотаются вперед и назад, что трудно понять, когда они схватывают ключами гайки. Так работают в хирургической: врач накладывает на перелом лубки, другие бинтуют.

На болтовщиков наседает вторая рехтовка. Разметчик, двигая перед собой наугольник, большой кистью сажает на рельсы кляксы. По разметке двое раскладывают шпалы.

И только тогда наступает черед костыльщиков. Костыли похожи на бороньи зубы, только с расплюснутой в одну сторону шляпкой. Костылями пришивают к шпале подошву рельсы. Своими длинными и тонкими молотками костыльщики так быстро крутят через плечо, как эквилибрист тросточкой.

Люди сработались не только друг с другом, но и с лошадьми. Через линию работ непрерывно скачут коногоны, подвозят на вагонетках рельсы. Приближаясь, они свистят в милицейские свистки, кричат, болтовщик накручивает себе гайку. И только почуяв над головой концы рельс, отшатывается из-под колес вагонетки и моментально водворяется на место.

* * *

При встрече кочевники обмениваются новостями. Обычай этот называется так: узун-кулак[1].

Встречаются двое верховых.

— Аман ба, — говорит один, подбирая поводья. — Здорова ли твоя бабушка, твое новое седло, старший сын, лучшая лошадь, жена, ружье и телега?

Теперь спрашивают о другом: здоров ли Турксиб?

От аула к аулу, по верховым тропинкам, по степи и через увалы ходят вести о черном жеребце, стальных тропах и богатырях, несущих новую жизнь кочевьям.

Каждый день к укладке приезжают отряды кочевников. Наблюдают работу, трогают рельсы и шпалы, пробуют на зуб прочность костылей. Держатся они смело, только паровоза побаиваются. Вечером провожают укладочный поезд. Скачут стороной, подозревая, видно, что когда-нибудь паровозу наскучит бежать по рельсам, и он свернет на простор порезвиться.

В начале весны укладчики встретились с казаками лицом к лицу.

Однажды шпаловозов ошеломил неожиданный поворот трассов[2]. Колышки, которыми когда-то изыскатели отмечали путь, привели к казакскому аулу.

Аул стоял на берегу озера. Пятнадцать-двадцать юрт столпились кружком. Они были сделаны из войлока, натянутого на куполообразный решетчатый скелет, и походили на стога сена.

В каждой юрте вдоль войлочных стен лежали седла, халаты и свернутые постели, а посреди юрты был врыт котел. Дым выходил через отверстие в куполе.

Укладчиков усадили на подушки и угощали опьяняющим кумысом из кожаных мешков.

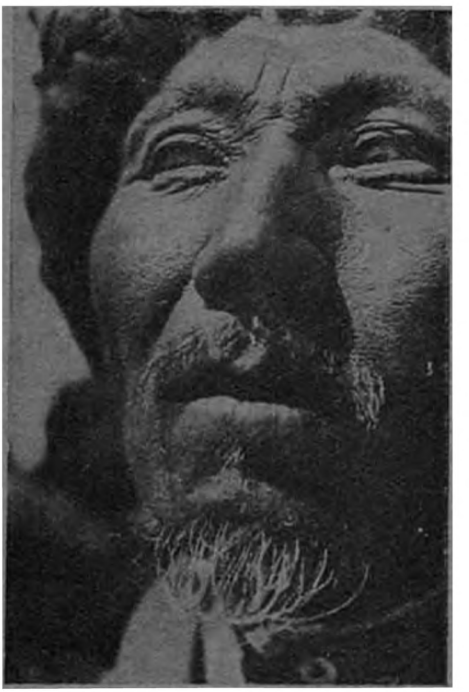
---

[1] Длинное ухо.

[2] Трасса — обозначенная на поверхности земли линия, по которой в дальнейшем прокладываются рельсы. Трассу проводят изыскатели.

Нашелся один немного знающий русский язык и кое-как с помощью рук рассказал, как в аулах ждали дорогу, посылали разведчиков и ночью перенесли колышки, чтобы дорога прошла поближе.

Переводчика звали Бастылбаем. Вечером он приехал в городок, подал заявление и остался ночевать в вагоне шпаловозов.



Кочевники приезжали посмотреть, как строится Турксиб.

***

День ото дня солнце подымалось выше. Степь пепелела: отцвели тюльпаны, засохла полынь, оскалились, пересохли, потрескались днища рек.

Земля полопалась и побурела.

Всякий бывал на чердаке, под железной крышей, в жаркий день. Там бывает так душно, что, кажется, втянул бы сразу весь воздух, сколько на чердаке найдется, и еще нехватило бы. Такая застойная духота бывает летом в степи. Вагоны так раскаляются от железных крыш, что там совсем нечем дышать. Приходилось спать на земле.

Рассеянно блуждая взглядом по глубокому черному небу, Полумиско рассуждал:

— Вот ты, Михайло, веришь, что бог сотворил землю. А зачем он ее творил такую неудобную? В нашей местности народ через воду мается: одни мочежины и болота. Если бы сюда ту воду, а туда здешней сухоты, тогда была бы планета! А человек все равно всякую землю может при-

способить. В нашей местности воду по каналам спускают в реки и сеют хлеб. А здесь из речек воду отводят на посевы и даже насосами достают из-под земли. Вот тебе и сотворение мира!

Старик отмалчивался.

* * *

Среди лета начались разговоры о реке Чу и о Чокпарском перевале, начинающемся за рекой.

— Ну, ребята, — говорил Гнусарев по вагонам, — чтобы одним духом дотянуть до воды!

Полумиско разыскал в библиотечке книгу о Турксибе и дознался, что в будущем собираются обводнить из реки Чу много земли и засеять долины хлопчатником, рисом и виноградными садами.

И вот — пришли.

Река — маленькая и жалкая — прячется в камышах. Трудно поверить, что у истоков, прыгая с уступов Александровского хребта, она пробивает ущелье и несет многотонные валуны.

К низовью Чу мелеет. Солнце выжимает воду, и река задыхается, заплутавшись в раскаленных песках и никуда не впадает.

Все разом ребята разделись и бросились в камыши. Вода едва закрывала ступню. Купальщики набились в единственную котловину, и в ней было тесно, как в миске картофелинам.

Вечером на укладчиков напали комары. От укусов тело покрывалось волдырями, и кожа так зудела, что духота вагонов была приятней такой прохлады.

Все забились в вагоны и, выкурив махоркой комаров, закрыли двери.

— Старик, а старик, — говорил Чижов, ворочаясь и размазывая пот. — А комаров тоже бог сотворил?

— А то ты что ли, дурак, сотворишь?

— Нашел дурака. Я обсуждаю вопрос с научной точки. Как сотворил он, например, тех комаров, как пошли они его в мягкие места шкалить, с того он за облака и взвился.

С утра потянули рельсы на увал. На горизонте толпились округлые вершины Чокпара.

ТРЕТИЙ ОЧЕРК

На штурм Чокпара. — «Марион» и кетмень. — Изобретатель. — Ветер с Курдая. — Первый поезд.

Из долины подступила укладка, а по облысевшим холмам Чокпара лазили изыскатели, перетаскивая с увала на увал полотняные жилища. Едва они окончательно выбрали переход, тотчас же по новым рельсам от Луговой затопали торопливые поезда.

Со станции Дала-Кайнар, где, уткнувшись в подножье Чокпара, остановилась укладка, полки землекопов подымались на штурм перевала.

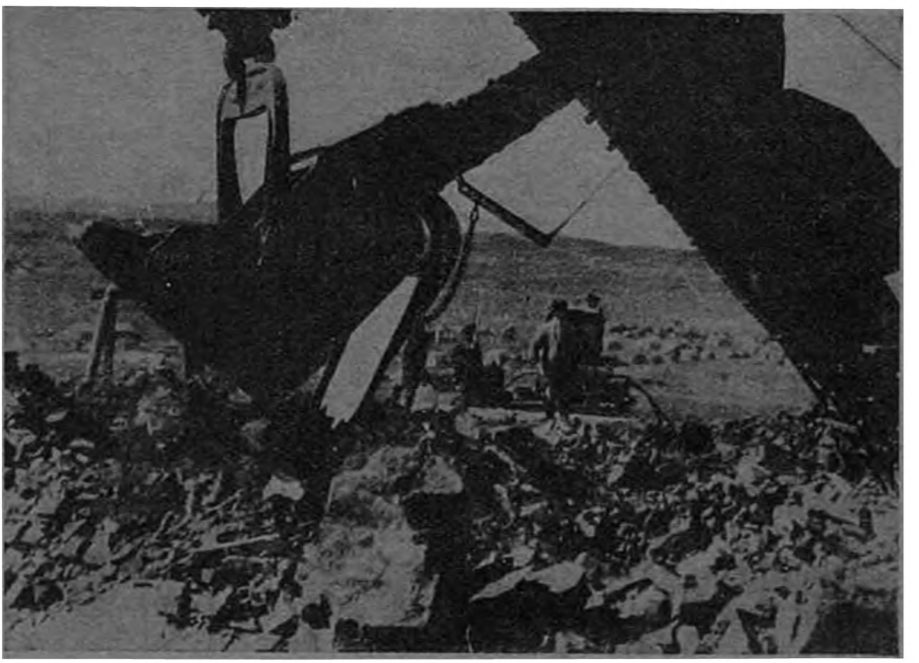
Здесь-то вот и встретились «марион» и кетмень. То была трогательная встреча. «Марион» был ростом с дом. Он работал на Турксибе землекопом, и надо сказать правду, хозяева были им довольны. Звали его также экскаватором.

Вот он поднял над железной кепкой (под кепкой возится просмоленный человек, переставляя рычаги) тяжелый хобот, скованный из стальных досок. Хобот увенчан зубастой челюстью. «Марион» нагибается, вытянув хобот над землей. Теперь он походит на рассерженного гусака. Челюсть впивается в каменистую почву. «Марион» подымает хобот, наклоняется в сторону и, выбросив груз, тянется за новой порцией. Каждый раз он захватывает целую тонну земли. За час рядом с ним вырастает продолговатая горка. Через два дня

люди разравнивают сотню метров свеже насыпанного полотна.

Кетмень одной специальности с «марионом». Похож на обыкновенную мотыгу для полки подсолнухов. Люди долбят кетменями землю и везут в ручных тележках на насыпь

«Марион» — иностранец. Его привезли прямо из Америки, из Чикаго.



Выбросив груз, тянется за новой порцией.

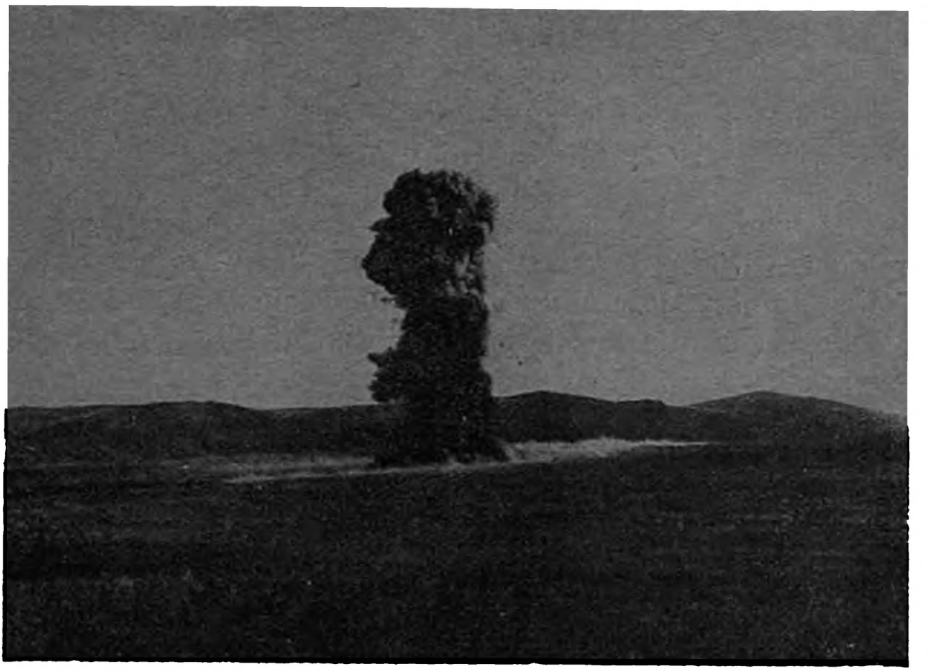
Кетмень — азиат. Он привык рыть арыки и окучивать хлопчатник. Летом 1928 г. хлопкоробы вскинули на плечи кетмени и пошли прорубать Чокпар. Здесь некоторые из них научились управлять экскаваторами, и кетмень с «марионом» вместе стали прокладывать насыпи от увала к увалу.

На увалах орудуют компрессоры — «марионовы» земляки, похожие на обыкновенные тракторы, только с большими зобами, называемыми рессиверами. Хлюпая жабрами.

компрессор набирает полный зоб воздуха и выдувает его по длиннейшим воздухопроводам, 2,9 кубометра в секунду.

На конце шланга — перфораторный молоток с буравом, вращаемым воздухом.

Компрессор пущен. Раздается пулеметный треск, из-под бурава брызжет сероватый пепел жженого камня. Насверлив 20—25 скважин, бурильщики уходят. За ними бегут



Разр ажаются взрывы.

каменовозы и каменоломы. Тогда в ущелье является запальщик, засыпает в норы желтоватого порошку — амонала, зажигает шнуры и убегает.

Разражаются взрывы. Снопами подымается пыль. Раньше, чем ее унесет ветер, возвращаются люди с молотками и лопатами, подъезжают на тележках грабари, торопливые автовозы пододвигают по узким рельсам маленькие железные вагончики. Их нагружают раздробленным камнем, а воздушные буры снова открывают беглый огонь.

С компрессорами и «марионами» из Чикаго приехали на Чокпар инженеры Чемберс и Жаксон.

Это были не плохие инженеры, но они привыкли работать не в пустыне, а на заводе, где все под руками. Кроме того они не привыкли считаться с рабочими.

— Чем меньше знает экскаваторный и компрессорный машинист, — говорили американцы, — тем лучше. Его дело завести мотор и работать, а не размышлять.

При каждой поломке компрессоры отправлялись в мастерскую за 100 километров и пропадали по месяцу. В работе их совсем не оставалось. Тогда в контору участка явился компрессорный механик Борискин. Борискин спросил:

— На чорта за каждый подшипник машину таскать в мастерскую? Как это так, что 14 компрессоров в починке? Что ли на месте нельзя подшабрить подшипники?

И Борискин с помощью десяти машинистов в неделю отремонтировал все компрессоры.

Скоро он снова появился в конторе, и на этот раз рассказал, что у компрессоров валяются целые вороха пережженных шлангов, а они стоят по 15 рублей метр.

— Мыслимое ли дело, чтобы к рессиверу ставить резину, когда там 250° температуры!

— Что же делать?

— Ставить твердые шланги.

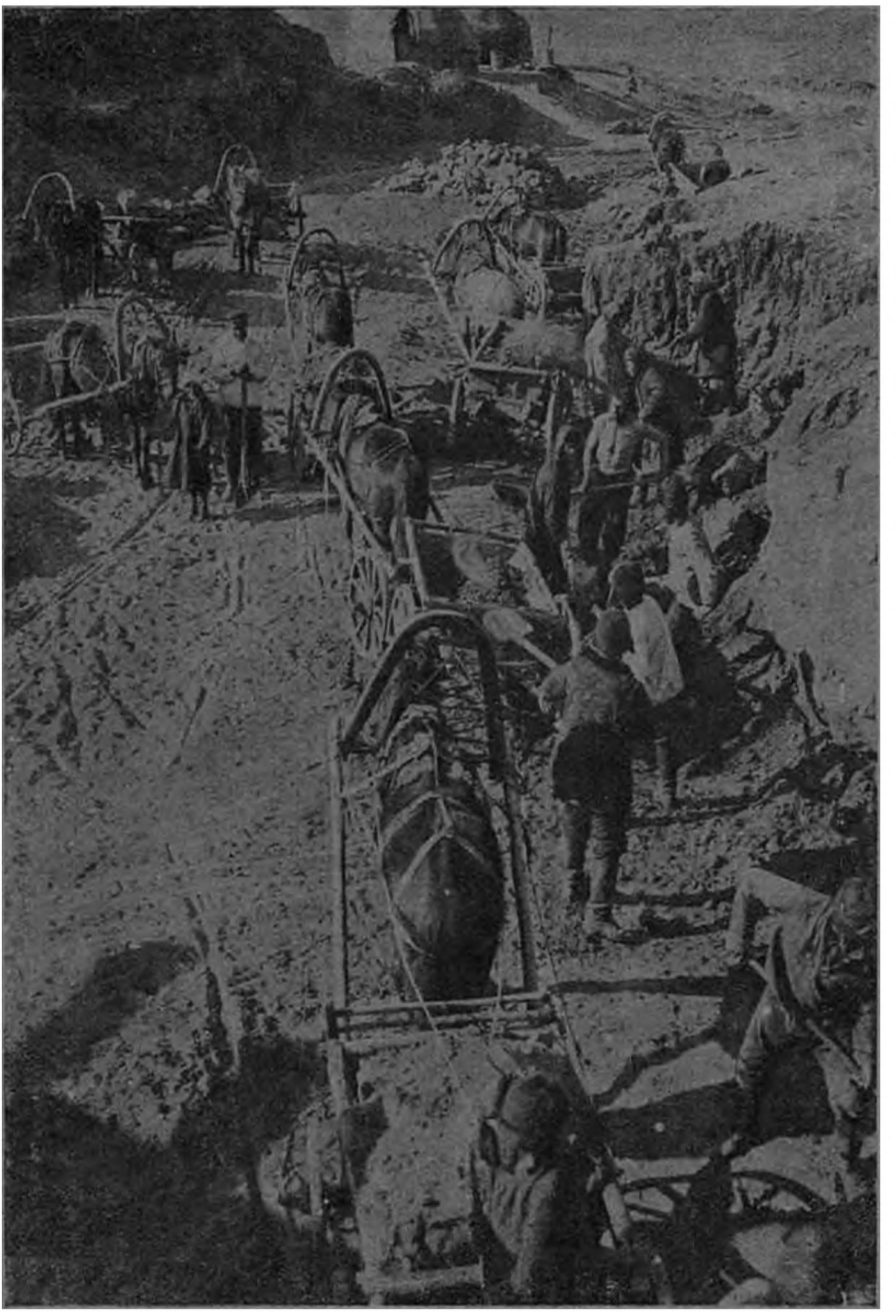
— Не выйдет, — ответили Борискину. — Резьбу так не подгонишь, чтобы не утекал воздух.

Тогда Борискин подобрал водопроводную трубу, обыкновенным напильником нарезал винт и призвал американцев полюбоваться работой компрессора.

— Хорошо, — сказали американцы, пожимая Борискину руки.

— Очень хорошо.

Через год из Чикаго пришла бумага. Фирма сообщала, что она вносит в конструкцию компрессора изменения «мистера Борискина».



Грабари на Чокпаре.

***

Юрта кочевника оказалась самым дешевым и легко переносимым временным жилищем. По увалам в беспорядке расположились эти «двенадцатиквартирные» жилища компрессорных машинистов, каменоломов, запальщиков, землекопов.

На юртяных площадях под телегами и в шалашах поселились грабари: лошадные землевозы, отходники с Украины и из Центральной России. Жили с семьями. Многие приводили на Турксиб молочный скот.

Через весь Чокпар растянулся строительный табор. Вечерами он наполняется гвалтом и напоминает ярмарку. Гремят подойники, скрипят телеги. Мальчишки гонят по дороге шину с рассохшегося колеса. Грабари куют лошадей в железные путы и ударяют уздечками. Гремя кандалами, лошади скачут в долины.

По дорогам устало тянутся обозы. Вздымая пыль, бегут голосистые грузовики.

Дымные кизячные костры освещают беспорядок таборной жизни: неприютные жилища грабарей, цветное белье, развешенное на вожжах между телегами, грязных детишек. По ущельям плутает горьковатый дым от костров. Молодежь горланит частушки.

Только перед рассветом замирает гомон. Распластавшись на теплой земле, спит турксибова армия. Лишь изредка заржет лошадь да пробежит запоздалый автомобиль.

И сейчас же на востоке сереет небо. Черными силуэтами встают горы. Полоска рассвета подымает над головой облака, тоже черные и тяжелые, как бы спрессованные. Облака редеют и разбредаются по всему небу. Тогда их поджидает солнце, и Чокпар просыпается.

В сентябре начались заморозки. Из управления пришел приказ работ не сокращать, и по ущельям, на пунктах крупных работ наскоро строились земляные бараки, утеплялись юрты.

Пятого января из Дала-Кайнара вышел укладочный городок. Был веселый солнечный день. Ослепительным пламенем расстилался снег. Голубое небо. В кожаных сапогах и зимней спецовке укладчики работали весело. Гремя, падали рельсы на мерзлое полотно. Просторно громыхали платформы. После работы укладчики шли на станцию, пили в бараках чай, читали газеты и вели разговоры.

Вечером третьего дня городок зашел по ущелью за угол горы, и на станцию никто не пошел.

Гудят в теплушках жестяные «буржуйки». На тепле приятно знобит — мороз выходит. В такой вечер только и поговорить.

— Старик, слышишь, старик, а ты мощам поклонялся?

— Ну поклонялся, — осторожно отзывается Михалыч.

— Вот бы тебе в нашей деревне жить. Округ нас монастырь был — в лесу, а в том монастыре не только что мощи, дух самого Иисуса содержался. В баночке. Как есть из-под варенья баночка. Сверху бумажкой накрыта и ниточкой перевязана.

— Будет брехать-то, — ворчит дед. — Смотри, отсохнет ботало. Попомни мое слово, отсохнет.

— Что ему сохнуть? Я правду говорю. Поп всем объяснял, что, мол, когда Иисус на кресте дух выпустил, то пророки его в баночку и собрали. Народ за сто верст ходил баночку целовать. Вот наш деревенский парнишка, Митькой звали, и пойди в воскресенье в церковь. Пошел он в церковь, простоял обедню, поцеловал у попа крест, а перед баночкой второпях только рукой обмахнулся. А поп, не иначе пьяный был, сцапал его за вихор. «Ты чего же, говорит, бусурманье рыло, щенок немаканый, до святого духа не преклонился?» Да тык его мордой. А банка-то возьми да развались.

— Будет! Грех.

— Ты послушай, дальше что было. Теперь, на утро опять такая же баночка выставлена, и поп поясняет, что тот дух от престола улететь не мог, и они с отцом дьяконом его

собрали. «Только вы его не увидите, — говорит поп, — дух он дух и есть. А мы с отцом дьяконом видим».

— Х-х-х-кхо-хохо. Го-го-го-го!

От смеха вагон вздрагивает, и если бы под колеса не были подложены шпалы, он, пожалуй бы, тронулся с места и покатился под уклон в Дала-Кайнар.

Даже старика разбирает смех. Напрасно он пытается удержаться. Ворчанье получается добродушное, не злое.

— Шаромыжник ты. Право шаромыжник,— ворчит дед.— Тебе бы прямо, на сцене пустяковину представлять.

Перед светом городок проснулся: дрожали и гудели вагоны, словно они мчались с чрезмерной скоростью, и вот-вот готовы были свернуться под откос.

Керосиновые лампы осветили снежный налет на столах и на подоконниках и белые снеговые ставни на окнах. Мельчайшая пыль пронизывала дверные щели, дощатые стены теплушек и даже, казалось, проникала через стекло.

В вагонах открылись митинги.

— Теперь пропала работа, — говорили семиреченские. — Раз курдайский подул — будя. Отработались. На целый месяц. Теперь думай, дабы обратно выбраться.

Из вагона в вагон шел Гнусарев. Он открывал дверь, и буран забрасывал в теплушку охапки снега. Гнусарев вытирает насеченное ветром лицо, садится на топчан. Вагон молчит.

— Ну, — спокойно начинает командир укладки, — скоро на работу?

— Пожалуй, нынче не наработаешь.

— Что так?

— А ничего. Уморить, что ли, всех задумал?!

— Вертай назад!

Тогда Гнусарев разом меняет тон.

— Кто там сказал — назад? А забыли, что Чокпар обещали зимой пройти? Кто за вас рельсы потянет? Папа римский?

— А по нас хоть, кто хошь.

— Кто говорит — хоть кто хошь? Дезертировать хочешь? Айда, валяй. Собирайся: посмотрим, какой ты есть. Сейчас же велю лошадь заложить, и чтобы духу такого тут не было. Ну, беги. Убыток не большой будет. Десять человек уйдут — сто останутся. Пятьдесят уйдут — все равно работу не бросим. Ну, бегите. Показывайте, костыльщики, пример.

Гнусарев навалившается на стол и, не читая, перелистывает газеты. Вагон молчит.

— Ну, — спрашивает Гнусарев, — работаем?

— Что же, — отвечает один за всех, — мы для своего государства тоже не враги. Раз надо, значит, уж надо.

— Выбирайте между собой представителя к шпаловозам. Вдвоем говорить легче будет. А остальные готовьтесь.

Многие из первых пролетариев стали ударниками, лучшими среди лучших. На снимке — ударник-каменолом, один из героев Турксиба.

Ровно в восемь, с трудом одолевая ветер, по кромкам оголенной насыпи идут рабочие. Укладка трогается.

В вагоне среди немногих остался Бастылбай, работающий на укладке после таинственного происшествия с трассой. Бастылбай не может преодолеть страха. В долинах не бывает таких буранов.

На зиму аулы уходят с горных пастбищ в долины. Бастылбай жалуется на недомогание. Он и в самом деле наверное заболел бы, если бы на другой день не вышел разбрасывать шпалы.

Ветер содрал с насыпи весь снег. Зато выемки забиты сугробами. Гнусарев по телефону вызывает землекопов, они расчищают выемку, и укладчики снова тянут рельсы. И все-таки шпалы местами приходится класть по снегу, и путь очень непрочен.

Однажды, при продвижении городка, сошел с рельс вагон-кузница. Для подъема надо подвести опору. Бастылбай вызвался съездить за шпалами на материальный подпункт.

Полчаса, час, Бастылбай не возвращался. Остальные встревожились. Раскинувшись цепью, зашагали по сугробам навстречу метели. Ночь. В завываниях ветра не слышно своего голоса, не видно протянутой руки. Увязая в сугробах, идет цепь. Бастылбая с лошадью и санями нашли в овражке замерзающего: не мог вылезти.

Чем дальше уходит укладка в горы, тем труднее паровозам пробиваться через сугробы. Несколько раз опаздывали продукты. Гнусарев по телефону метал громы и молнии. Однажды, когда ветер где-то оборвал провода, сам выехал ночью на ближайший пункт за хлебом.

На восемнадцатом километре от Дала-Кайнара вышел запас рельсов.

Гнусарев не отходил от аппарата: «Где там, к чорту, застряли поезда? Рельсы, рельсы, чорт возьми, рельсы!»

Телефонограмма: «Расчищен путь через Чуйскую долину. Приготовьтесь к приемке укладочного материала». Ночью вторая: «У Дала-Кайнара свалился паровоз. Вышлите людей для восстановления пути». Ночью же выехали верхами костыльщики Уколов, Слепко и Зорин. Задумав спрямить путь, они потеряли насыпь и до утра плутали по сугробам. На рассвете взяли направление на юг и кое-как выбрались к линии.

Обессилевшие лошади еле волокли ноги. Пришлось тащить их на поводу.

Ноги у путников онемели, тянуло присесть на конец шпалы, и нельзя было сесть — закоченеешь. Так добрели до

На Турксибе тысячи кочевников-казаков впервые стали на производство. На снимке — пролетарии-казаки на земляных работах.

Дала-Кайнара. И отложив завтрак и отдых, взялись за костыльные молотки.

После обеда тронулась укладка.

Временами бураны достигали такой силы, что сбрасывали людей с насыпи. Тогда укладчики выжидали затишья в вагонах и снова тянули рельсы.

Однажды после таких буранов паровоз не мог пробраться через сугробы целых три дня. Рельсы в запасе были, но очень далеко приходилось тащиться от городка до укладки.

Вечером три сотни плеч подхватили городок. Гнусарев гаркнул: «Взяли!» — и городок пошел через ущелье.

Теперь по этим самым ущельям проносятся пассажирские поезда. Пассажиры припадают к окнам, держась за ремни, и сжав зубы. А против выступов камня слегка отшатываются назад. Они при этом не знают, что первый поезд пронесли здесь на плечах.

В это самое время на вершине перевала бурильщиков, подрывников, грабарей охватила тревога. Третий день не было бензина. Третий день стояли компрессоры. Десятка два рабочих сверлили камень ручными бурами, но нечего было и думать при этом условии во-время разработать выемку.

Редко и лениво шли вагонетки с камнем. Бедны были победы ручного труда.

В эти дни Борискин засел у компрессора.

По баракам прошел слух, что он задумал такое изобретение, чтобы компрессором работать на керосине.

Рыжий зубоскал Гавря обошел с новостью все бараки.

— Изобретатель... — усмехнулся Гавря. — Небось инженеры не глупее нас. Без нас бы придумали.

— Инженер инженером, — сдерживали Гаврю, — а изобретатель изобретателем. Как бы он на инженера выучился, может, и не то изобрел бы...

— Ну, как? — осторожно спрашивали Борискина. — Не изобрел?

— Немного осталось.

— А получается?

— Получается. Если только не получится — пусть тогда будет правда Чемберса: не надо нам, дуракам, ничего понимать.

— А помогают?

— Помогают. Больше всех один тут из молодых — механизатор.

И Борискин снова просиживал ночи над чертежами. Утром занимался с курсантами компрессорных курсов, а после обеда возился возле машины.

Теперь по целым ночам в бараке компрессорщиков коптила лампа. На неровном досчатом столе, покрытом обрывками бумаги, крошками и грязью, загроможденном чайниками, мисками, караваями хлеба, Борискин раскладывал листы мятой бумаги. Чертил, вырезал из жести сетки, трубочки и коробки.

Ночью кто-нибудь проснется, потихоньку подбросит в «буржуйку» чурок, взглянет через плечо изобретателя на путаные чертежи и молча укладывается на топчан.

Всю ночь дула поземка. С одной стороны окна были засыпаны сугробами до половины, с другой — доверху. В бараке было холодно. В бараке замерзла вода. Видно, Борискин давно забыл о «буржуйке».

Лестницу засадило снегом. Ребята вылезли через окно и откидывали снег. Борискин все сидел, и его не стали трогать. За обедом Борискина не было.

— Наш изобретатель наверное изобрел такую машину и поднялся на луну, — зубоскалил Гавря.

— От таких дураков улетишь.

И вдруг за бараком застрекотал мотор.

Без шапок, в одних рубахах, с ложками и недоглоданными костями в руках бросились ребята из барака.

Борискин пустил компрессор.

Явилась комиссия, проверила — на керосине ли работает машина, составила чертеж, написала акт.

— Как же, — спросила комиссия, — вы называете изобретение?

— А как его называть? Просто добавка к карбюратору, что ли.

Через день, толкаясь и покачиваясь, побежали из выемок полные вагонетки с камнем.

* * *

Давно прошла укладка. Теперь на Чокпаре выравнивалось полотно, расширялись выемки, строились станции. И однажды по линии пробежала телеграмма: «В ночь 28 июля открывается пассажирское движение через Чокпар. В первом поезде проследуют члены правительства Казакстана в новую столицу республики — Алма-Ата».

Накануне рассвета по ущельям шмыгали дрезины, мылили автомобили, гремели тарантасы: техническое командование Чокпара проверяло путь.

Проверили.

А после обеда пошел ливень. Линяли горы, в оврагах вздулись мутные потоки, вертлявые ручейки, продолбив земляные стены, являлись в бараки.

Вечером на станции Акат рабочие все-таки собрались в кино. Народу — битком: доклад послушать да еще и картину посмотреть.

Начальник дистанции говорит об открытии движения. Вдруг у двери начинается толкучка, и кто-то, отчаявшись пробиться через толпу, кричит:

— Товарищ Рабинович! Под Куломшином, товарищ Рабинович, путь размыло!

Толпа расступается, и председателю остается объявить, что доклад продолжится при первой возможности, как только возвратится докладчик.

По хребту Чокпара мчится дрезина. В потоках дождя пятнами расплывается свет факелов. От дождя факелы потрескивают.

Дрезину гонит двигатель в четыре человеческих силы,

Вот он, размыв. Разбежавшись с горы, вода растащила метров семьдесят насыпи. Рельсы съехали набекрень и обвисли.

Через десять минут Рабинович у телефона на разъезде Куломшино.

— Контора участка? У аппарата начальник второй дистанции. У нас тут... Вам уже передали? Что? Не хотите пускать поезд? Только до Дала-Кайнара? Не восстановим путь? Это вам кто наговорил? А я говорю, что восстановим! Конечно ночью, не через полгода же, чорт возьми! Принимаю на свою ответственность. Точка. Точка. Да, да, на личную ответственность. Точка.

В бараках давно спят. В разбитые окна моросит дождик. Земляной пол раскис. Холодно. Неуютно. Только и спасения, что укутаться с головой и спать.

Раскрывается дверь, в барак врываются сырость и холод начальник дистанции вопит от порога:

— Товарищи! Ребята! Насыпь размыло! Встава-а-ай!

— Как так вставай. Что мы — каторжане?

Ночь. Ливень. Ветер.

— Барам емес. Суук, су [1].

И вот срываются двое. Размахивают сапогами.

— Сказано вставай — значит, вставай. Крышка! Не слышали, поезд пойдет!

Тогда все разом бросаются к дверям, бегут по грязи, размахивая сапогами, и целую ночь, под дождем, таскают холодные мокрые камни, рубят кетменями вязкую глину, лепят и выравнивают полотно. Между увалами бегает дрезина за инструментом и людьми. Вздумал, было, Рабинович написать записку, сунул руку в карман: рука в фиолетевой перчатке, а вместо карандаша — никчемная щепка: карандаш растаял.

На заре прошел поезд. 100 человек стояли внизу, под насыпью, в мокрой прилипшей одежде, коричневой от глины,

---

[1] Не пойдем. Холодно, вода.

размахивали факелами и кричали ура. По чумазым усталым лицам и мокрым камням бежали беспечные зайчики.

Промелькнуло вагонное тепло, свет и уют. Сто остались под дождем и ушли через раскисшую серость утра в неуютные бараки. И не завидовали. Они знали, что это их героизмом побежден Чокпар и сами они проложили тропы для быстроходных и удобных поездов.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОЧЕРК.

Укладка по берме. — Первая победа скрепперов. — Омоложение Сергиополя.

С широких улиц на пригорок бегут автомобили и мотоциклы.

Неслышно, как на экране, катятся велосипеды.

На пригорке, за глинобитной стеной, где при губернаторах были лазареты, теперь разместился штаб Турксиба.

Сейчас лето, зной. Высокоствольные тополя изнывают под пылевыми плащами.

В бывших больничных палатах клокочет жизнь. Через коридоры, захлебнувшиеся масляной краской и зноем, перекликаются визгливые арифмометры, ругаются нервные телефоны.

От палаты к палате бегают люди с портфелями, люди в инженерных фуражках, побуревших на солнце, и люди в пылевых массах с шоферскими очками на лбу.

Они переливаются из кабинета в кабинет, спорят, бранятся и, наконец, приходят к соглашению. Тогда загорелая рука, открытая до локтя, тянется к карте, перечеркнутой наискось жирным пунктиром. Пунктиром обозначена линия строительного фронта.

Рука переставляет на карте красные, синие или голубые флажки, и где-нибудь в песках открываются новые работы,

укладчики выходят на штурм Чокпара, а экскаваторы, дымя, отступают за перевалы.

В Москве, в бывших княжеских и царских дворцах спорят и выносят решения другие, поставленные страной к рулю, и тоже переставляют флажки.

Переставляют флажки и в Уральских горах, загораются огни Магнитостроя, в степи под Новосибирском каменотесы закладывают завод комбинатов, и сюда двигаются тысячи строителей, а другие тысячи берут бурливый Днепр на бетонные удила гидроцентрали.

Передвинут флажок—и Уральские рудокопы быстрее черпают металлы из шахт, в тайге чаще стучат топоры, на харьковских и надеждинских заводах отливаются советские рельсы.

И укладочный городок не был составлен раньше, чем харьковские заводы дали рельсы, тайга — шпалы, иваново-вознесенские текстильщики — спецодежду.

У нас — план. Все, даже время, рассчитывается и расценивается заранее.

Раньше построим Турксиб — раньше Туркестан получит хлеб, Иваново-Вознесенск — хлопок, Магнитогорск — заграничные машины, купленные вместо хлопкового волокна.

В правительственном решении о Турксибе в декабре 1926 г. было сказано: «Закончить в пятилетний срок».

Турксиб начали строить с двух концов. Местом смычки северных и южных рельсов назначили станцию Айна-Булак, (от Семипалатинска до Айна-Булака 800 километров, от Луговой — 642).

С первых же дней наметилась сверхударная задача: шире развернуть фронт.

Но как откроешь работы в голой степи, где нет жилищ, топлива и хлеба?

И вот управление Турксиба делает смелый и на первый взгляд рискованный ход. Он называется «укладкой по берме». По берме — значит прямо по травке, рядом с будущим полотном.

Лишние расходы? Но провоз тонны груза по времянке стоит 2½-3 коп. на километр, а гужевым транспортом — тридцать копеек. А перевезти надо сотни тысяч тонн.

За первое лето укладчики-северяне отмахали по берме 150 километров. Через Иртыш моста еще не было, и строительный материал, вагоны и даже паровозы переправлялись на паромах. Зимой переходили по рельсам, проложенным прямо по льду. На зиму работа остановилась, а весною снова вышла укладка. Из зеленоватой ряби Иртыша только еще выходили устои будущего моста.

Этот год для севера был труднее. Начались горы. Невысокие, но, однако, непроходимые по берме. Тропы для паровозов прокладывали «марионы» и кетмени.

В семейство землекопов вошел третий брат, средний по силе и росту. Фамилия у средненго брата совсем не мелодичная, даже неприятная: скреппер.

Скреппера попали на Турксиб в качестве не помнящих родства с Троицко-Орской железной дороги. Туда их завезли из Америки, но применить не сумели, и они, провалявшись без дела, чуть не потеряли трудоспособность.

Нельзя сказать, чтобы и на Турксибе скрепперам была оказана чересчур теплая встреча. Напротив того: им был объявлен бойкот. Землекопы отказались работать на скрепперах и на уговоры отвечали:

— Землекопа, брат, не переделаешь. Наши деды знали, как с ней, с землицей-матушкой, работать, и нам наказали.

Молодые техники горячились.

— Что же, разве трудом своим вы довольны? Спины-то разве не сгорбились над грабарками?

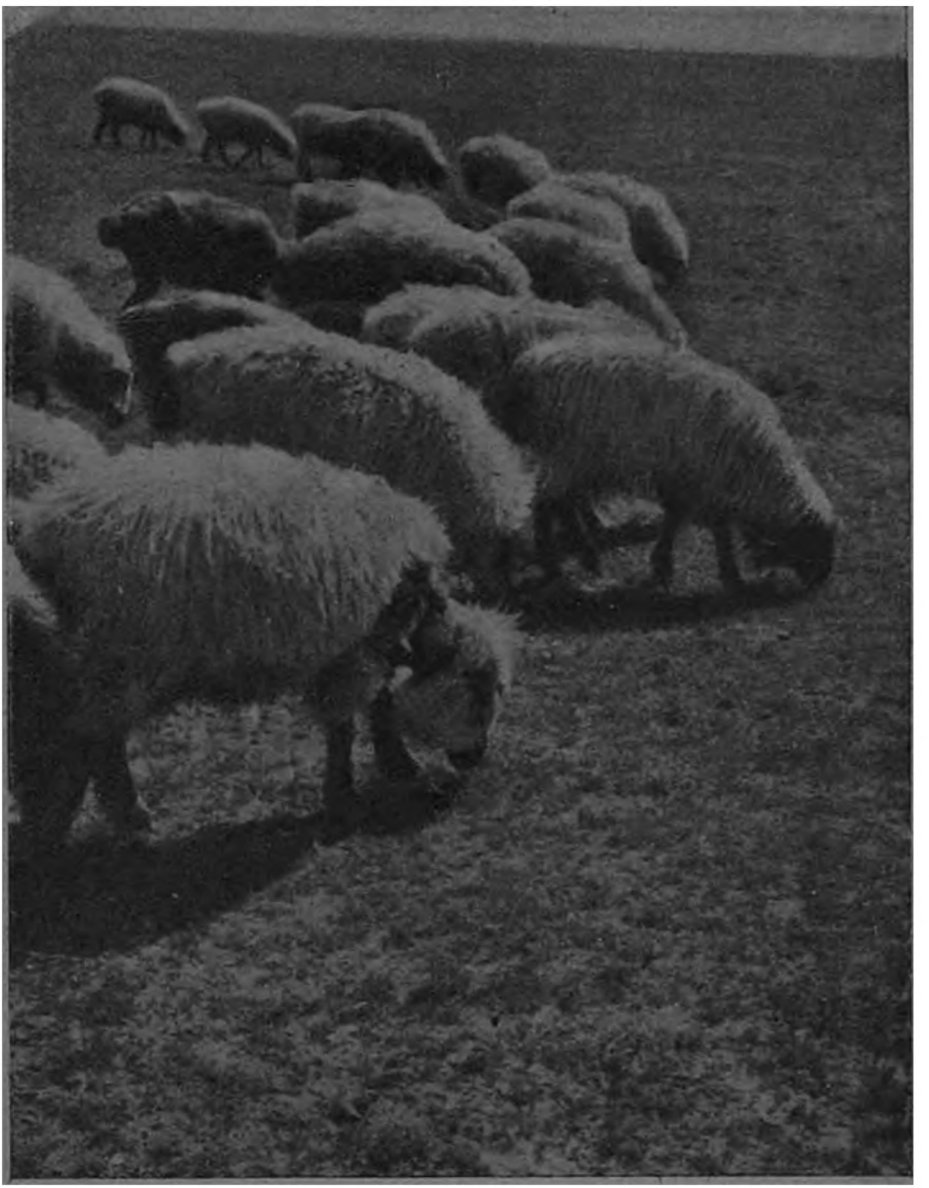
— Конечно, дело не шуточное.

— Ну, вот. А если можно легче работать, зачем держаться за грабарку?

— А что, бросить?

---

[1] Времянка — временный рельсовый путь по берме. В последующем времянка переносилась на постоянное полотно. Подъемные машины переносили на полотно целые неразобранные звенья.



В Казакских степях

— Ясно.

— Нет уж, это нам не подходит!

Скрепперы было труднее вести в бой, чем экскаваторы. Там обучил десять парней на курсах — и машина пошла. А тут, когда дело доходит до тысяч, изволь переубедить.

На самых людных участках пустили на скрепперах несколько поденщиков. Землю взрыхляли тракторами и сдвигали в насыпь скреппером. Он напоминает движку, но с выгнутым вперед лезвием. За восемь часов скреппер насыпал 20 кубометров полотна. На другой день — тридцать. За десятерых землекопов!

Через неделю в контору участка является делегация.

— Не будет ли в излишке скрепперов? Бросаем грабарки.

— Вы же к ней привычны?

— Конечно, мы-то привычны, но держаться за нее тоже не приходится.

— А деды как же?

Через час начальник участка подписал телеграмму: «Ленинград, экскаваторная база. Просим изготовить в ваших мастерских четыреста скрепперов».

***

Восемьдесят лет назад от Семипалатинска, по той же дороге, что и Турксиб, шла через горы династия Романовых грабить кочевников.

Дорогу прокладывали казачьи отряды оружием и плеткой.

Монархия строила не заводы и не опытные станции, а крепости.

На 337-м километре основалось военное казачье поселение.

Прошли годы.

Сибирские рыдваны и туркестанские арбы проложили через Сергиополь тракт. По тракту потянулись обозы с фруктами и встречные обозы с хлебом. Из западного Китая пошли караваны с кожей и хлопком, а навстречу

им купеческие калымаги с сахаром и ситцами. В Сергиополе, на распутьи оседал разорившийся и беглый люд и брался за извоз.

Там основались два сословия: служилое казачество и разночинцы.

Казачество жило в пятистенниках, пило чай в прикуску и собирало с киргизов и разночинцев арендную плату за киргизскую землю, за камни с окрестных гор и за глину из ничьих оврагов.

Разночинцы ездили в извоз и держали постоялые дворы. Так прожили семьдесят лет. И дальше бы жили, но... в России ощипали двуглавого орла и взяли в штыки белую гвардию.

Из Семиречья побежали в Сибирь офицеры. В Сергиополе, под навесами постоялых дворов, ночевали орудия, кони и пулеметные тачанки.

Но и сюда докатилось Октябрьское смятение. Разночинцы вырезали ночью офицеров и учредили советскую власть. Днем подошли из Семиречья новые белогвардейские обозы. Как всегда, открылись ворота постоялых дворов, и гостей встретили любезные хозяева. Только против обыкновения — пулеметным огнем.

В июле 1918 г. все по-той же дороге вышли из Семипалатинска три сотни казаков под командой старшины Леднева. Партизаны так турнули их от Сергиополя, что лампасы мелькали в горах днем и ночью и остановились стройными «победоносными» рядами только на берегу Иртыша.

Тогда на разночинцев вышли чехо-словаки под командой сотника Виноградова. В спину ударили свои сергиопольские станичники.

В пыли, на краю крохотного городка, выросла не по городу большая братская могила, схоронившая расстрелянных разночинцев...

Победила революция, но от Сергиополя до Семипалатинска попрежнему 10 дней пути, до Верного — три недели.

Строительный городок Аягуз возле Сергиополя).
Теперь здесь вырос настоящий город.

Попрежнему стоит крохотный глиняный городок на склоне голой горы, выжженный солнцем, окутанный пылью и еще более обнищалый (атаман Анненков угнал извозный скот).

При въезде в этот город у самого большого дома стоит раскосый истукан в полтора человечьих роста. Тысячилетья назад неведомый народ высек из камня крепкого и большого бога. Сергиопольцы подобрали его в горах и потому, что он был никуда не пригоден, поставили посреди улицы.

В полдень, наскоро отряхнув дорожную пыль, я осматривал истукана. Кто-то окликнул через улицу:

— Што, баба, высматриваешь? Или жениться хочешь?

И человек долго и однообразно смеялся. Я подошел спросить — жив ли кто из партизанов. Человек перестал смеяться.

— Придется вам до Нурия дойти. Он в Виноградова с церкви стрелял... А сами откуда будете?

Нурий, бритый долговязый сутулый старик, клинышками латал окно. Он положил на раскаленный камень замазку и окинул меня слезящимися глазами.

— О войне говорить не приходится, — сурово остановил меня старик. — Это давно было. Про старое зачем писать? У меня вот хозяйство. Да... Напиши лучше, чтобы семилетку у нас открыли — детишки неученые болтаются. Да чтобы заводы, что ли, построили, а то вот живем мы не при чем, на голой кочке.

Я напомнил о Виноградове.

Старик заторопился, выпрямился, взмахнул рукой.

— Виноградова застрелили, сволоча. Мамонтов застрелил — наш партизан. Казаки в подводы ездили в Маканчи. Завезли Виноградова на почту, сидят с ним, чай пьют. Заходит на порог мужик, спрашивает: «Их благородие Виноградов здесь!» — «Я»,— говорит Виноградов. Мужик подошел к самому самовару и уложил Виноградова из нагана... Да... Мамонтова тоже тут расстреляли, но он свое дело сделал...

И Нурий Габбасов снова заговорил о ребятишках. Как о них не думать? Отцы выросли без букварей и многие не видали железной дороги. И они восстали против скотской жизни, ясно понимая, что раз революция — нельзя жить без школы, нельзя жить «не при чем».

И вот к Сергиополю идет Турксиб.

Карапуз Габбасов, съездивший с дядей на укладку, нарисовал большую трубу, из которой колом вылезал дым.

— Это паровоз, — объяснил он в школе, — только внизу колеса бывают, да у меня бумаги нехватило. Другой раз на большом листе с колесами нарисую.

С жаром и апломбом Ильяс рассказывал, какой паровоз большой — с дом или даже с церковь, и ходит не на быках, а паром. Учительницу он спросил потихоньку: «А пар кто возить?»

В эти дни Сергиополь услышал первые отдаленные взрывы. В ясные дни можно было видеть черные земляные смерчи, вздымавшиеся над горами.

Строители Турксиба штурмовали перевал — Алтын-Калак.

Полотняный городок примостился на самом хребте между истоками двух ручьев. Один, Аще-Су, стекал в Иртыш и в Ледовитый океан. Другой назывался рекой Аягуз и был одним из семи притоков озера Балхаш, самой северной рекой Семиречья.

Работы шли круглые сутки.

Ночь. По наклонным рельсам громыхают вагонетки. Мчатся фонари проводников. Вагонетки, скрежеща тормозами, останавливаются над самым обрывом и выбрасывают под откос камень.

В гору, к выемкам, под нагрузку составы вагонеток вывозят на лошадях.

Осенью через Алтын-Калак прошла укладка. Возле города постоялых дворов открылся временный постоялый двор для паровозов, где рослые «коломенцы» отдыхают прямо под открытым небом. Рядом строится каменное депо.

В будущем Туркестано-Сибирскую дорогу здесь пересечет новая магистраль — Урал — западный Китай. На стыке сибирского хлеба, туркестанского хлопка и фруктов, уральского железа и китайского кожсырья вырастут заводские корпуса и механизированные пакгаузы.

ПЯТЫЙ ОЧЕРК

Вода по книжкам. — Третья столица Казакстана. — Необычайные похождения Вовки на станции Алма-Ата.

Однажды к шпаловозам подъехали трое казаков.

— Ибан надо, — сказал один.

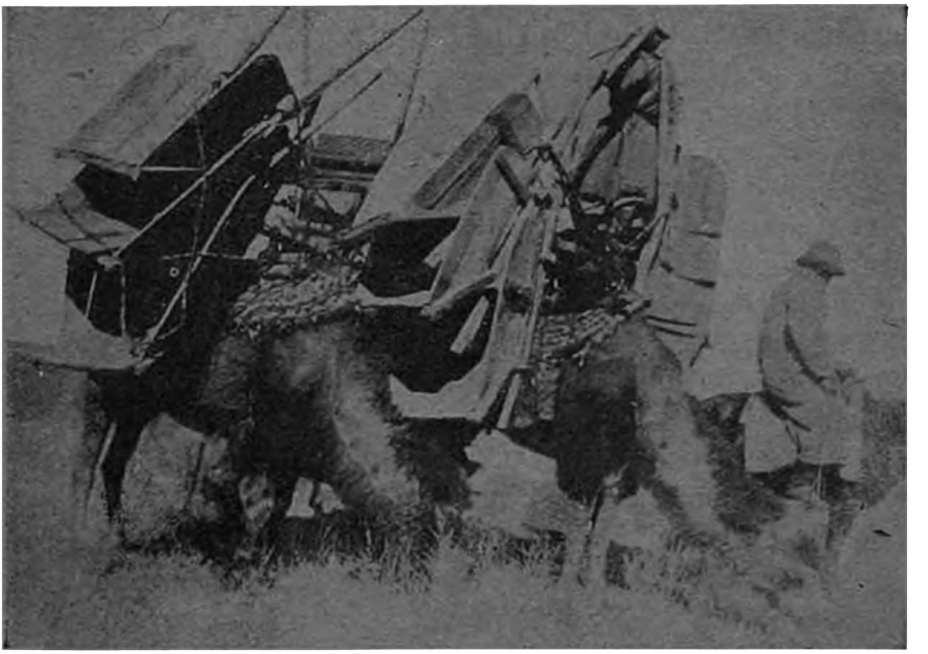
— Если тебе всех Иванов собрать, — ответили шпаловозы, — пожалуй укладка остановится. Какого Ивана надо?

— Забыл, как называется. Ибан Половина котел, что ли. Самый главный Ибан, который все законы знает.

Оказалось, что через казаков-укладчиков слава об Иване Полумиско пошла по аулам.

Трое были колхозниками и приехали узнать, могут ли они взять у бая землю.

Вечером на собрании укладка решила принять над колхозом шефство. Полумиско и секретаря партийной ячейки по-



Верблюд служил Турксибу верой и правдой. На снимке: везут тачки для землекопов на Чокпар.

слали в аул и с этих пор частенько стали навещать колхоз. В дни отдыха в колхозе проводили субботники. Первый раз в здешнем районе колхоз посеял рис, и в этом помогли укладчики.

Становилось все жарче. Городок уходил в долину. Колхоз остался далеко позади, а городок все шел и шел между голых, облысевших холмов.

Вечерами в вагоне-клубе занимались всякие кружки. Был даже политический, где особые успехи делал Полумиско.

Только один Михалыч отсиживался в теплушке, пока за ним не явилась целая делегация комсомольцев. В клубе подручный кузнеца Лобанов предложил деду записаться в ликбез.

— Учитесь уж вы, молодые...— испугался старик.

— Это к делу не относится. Но только, как ты есть рабочий, а неграмотность среди рабочего класса мы должны ликвидировать на все сто процентов, то тебе довольно даже стыдно отказываться.

Старика уламывали до тех пор, пока он не сдался.

— Ладно, будь по-вашему,— и присел на самый кончик ученической скамейки.

Однажды на стенах теплушек появились афиши, размалеванные химическими чернилами: «Спешите видеть! Спешите видеть!»

Впрочем, весь городок «спешил» уже целую неделю, с того самого дня, как Лобачев уехал в город за картиной.

В клубе отгородили будку для аппарата, повесили экран.

Вечером Вовка теребил отца за рукав:

— Это чего, а? Это музей?

— Церковь.

— А в церкви что, музей?

— Отстань... поп...

— А зачем?

— Служит.

— Что ли поп служащий?

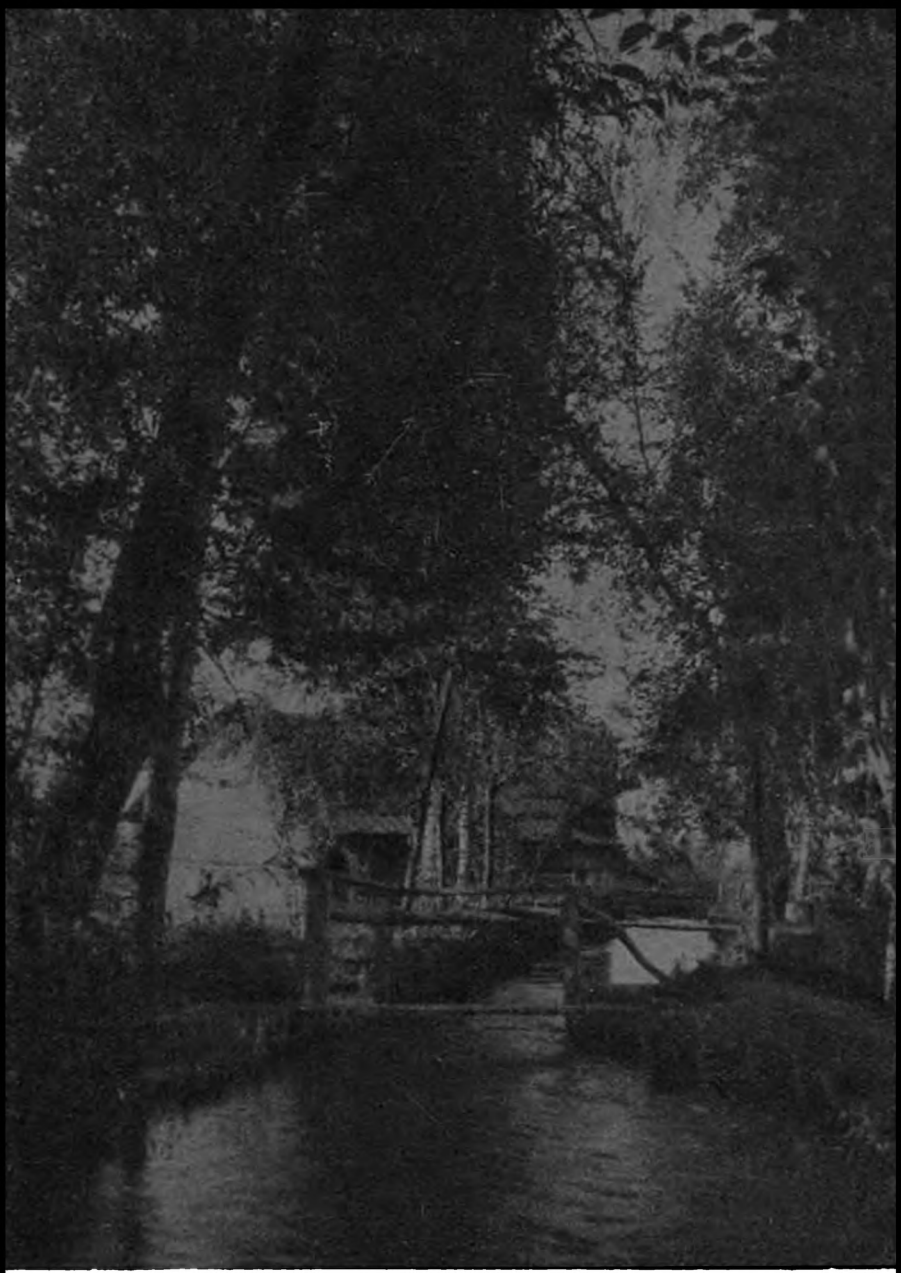
Вместо ответа отец прогнал Вовку с колен.

Вслед за кино в клубе стал выступать драмкружок. Чижов играл смешных стариков, и Вовка не понимал, как это у него скоро борода вырастает.

— Это не настоящая,— объяснял Чижов,— из кобыльего хвоста.

— А у деда тоже из хвоста?— допытывался Вовка.

Утром после первого спектакля перед вагоном-кухней столпилась вся укладка.



Третья столица Казакстана. Вид на головной арык.

— Воду по книжкам? А? — визжал шпаловоз Пахомов. — Вот, доработались мозолистые руки! Где, я спрашиваю, рабочее право? Ситец — по книжкам. Сахар — по книжкам. Да этак скоро и воздух придется по книжкам получать! Почему раньше я, чего хотел, брал без никаких книжек?

Другие тоже галдели, но по мере того, как расходился Пахомов, многие умолкали и выбирались из круга.

— Уж это он зря. Тут за старое время разговору не должно быть. Тут только что беспорядок. Водой снабдить не могут.

На середину круга прорвался Пересунько, остановил Пахомова за плечо.

— Кулак ты есть, и больше ничего! Верно, раньше ситцев было довольно, да только я тех ситцев не видал. Я, брат, до Ташкента в старое время прошел с молотком и это дело хорошо знаю. Да там рабочего люду больше, чем шпал положено. Да я теперь себя человеком понял. Да я за один за политкружок, где нас учат хозяевами быть, буду воду по кружке получать.

— Выслуживайся! — взвизгнул Пахомов: — Выслуживайся! Мабудь партийный разряд заслужишь!

— И заслужу. Мой партийный разряд такой, чтобы дорогу скорее протянуть. Пиши, Гнусарев, в ударники. На пят километров за смену. Вот какой есть мой партийный разряд!

— Правильно! И меня пиши. Надо этого, ситцевого, в рабочкоме пощупать, какой он такой пролетарий!

Вечером Пересунько рассказывал, как в старое время строилась Ташкентская дорога. Грязь, малярия. Врачей нет. Подрядчики кормили тухлым мясом, а потом вычитали всю зарплату.

С Ташкентской разговор перешел на Семиреченскую, от которой Турксиб начинается. Наполовину ее построил при царе откупщик. Из жадности, чтобы больше хапнуть, провел два ненужных туннеля. Теперь вместо туннеля вокруг од-

ной горы делается уже окружной путь. Движение по нему будет дешевле и безопасней.

Решили подтвердить обещание, данное правительству Казакстану: к десятому августа дойти до Алма-Аты.

Все торопились посмотреть казакскую столицу. По утрам, пока даль не заслоняют миражи, нетерпеливо вглядывались вперед.

Столица ждала укладку еще нетерпеливее. В эти самые дни в здешних газетах печатались такие сообщения. На первой странице, самыми большими буквами:

Первый дым

Вчера, на восходе солнца, за холмами виден был первый паровозный дым. По плану укладка должна была притти только через пятнадцать дней. Можно надеяться, что город увидит паровоз раньше, чем предполагалось.

Привет героям Туркснба — Буденным социалистического строительства.

По утрам население столицы лезло на крыши высматривать дым.

***

Пятнадцать лет назад город, называвшийся Верным, был просто окраиной губернаторского сада и собора. Славился только землетрясениями. Когда-то город был каменный, но в 1887 г. каменные постройки растрясло до самых фундаментов, и после землетрясения отстроился деревянный Верный.

Город стоит на Алма-Атинке, если только можно стоять на реке, где утром в самом глубоком месте увидишь на дне иголку.

В жаркие дни река однако вздувается и нередко выходит из берегов. Это оттого, что на горах тают вечные снега.

Но однажды река таки начудила. Это было в 1921 г. Летом, после продолжительных теплых дождей, в полдень с

гор прискакали казаки с известием, что, кажется, Алма-Атинка хочет стать самой большой рекой в мире: по всем ущельям, смывая рощи, мчатся потоки. Вслед за гонцами, громыхая тысячетонными валунами, пожаловала сама Алма-Атинка. Снесла целую улицу, нарыла через главные улицы овраги, рассыпала валуны величиной с избушку.

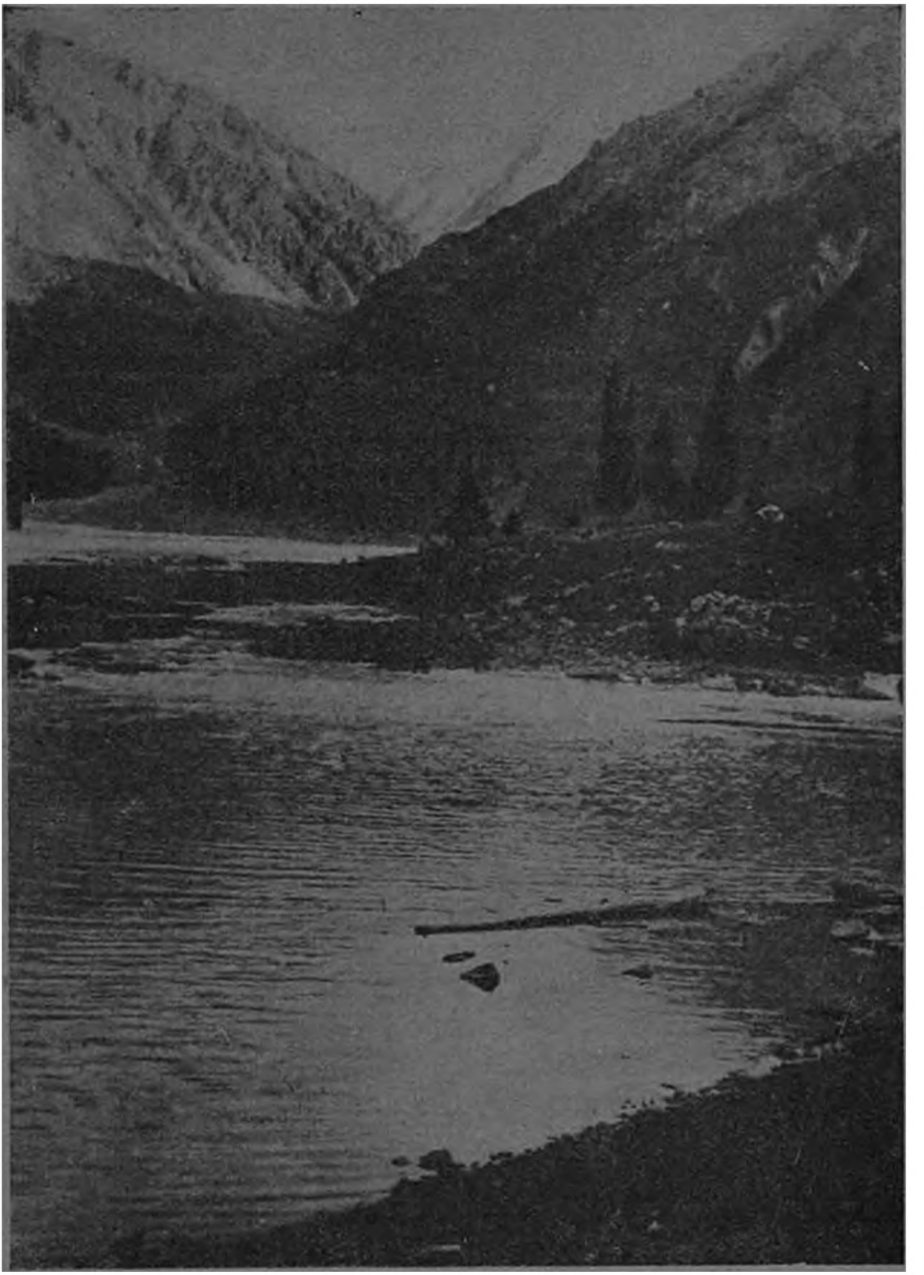
Верненские мещане в этот день, как в 1887 г., надевали смертное белье и ждали светопреставления.

Вечные снега на Алма-Атинских горах.

В 1929 г. в город приехало управление Турксиба. Войдем и мы вместе с первыми грузовиками поглазеть на город.

Широкие улицы прямыми потоками стекают от предгорий в долину. Над домами — шеренги тополей. Над городом стоят вершины Ала-Тау в снеговых колпаках.

И вот между тополевых берегов бегут первые «фордики»



На снимке: Алма-Атинское озеро (озеро расположено на большо й высоте. над городом, под линией вечных снегов.) В 1921 году такое неожиданно образовавшееся озеро упало на город.

Вслед за управлением в новый город, названный Алма-Атой [1], прикатило казакстанское правительство.

История этого переселения небезынтересна.

Россия дома Романовых не оставила Казакстану столицы. По понятиям колонизаторов восточным окраинам нужны были не столицы, а губернаторы и карательные отряды.

Советский Казакстан сначала избрал столицей Оренбург. При национальном размежевании столица оказалась за границей республики, и правительство перекочевало в Кзыл-Орду (по-старому — станция Перовск). Вторая столица отличалась адской жарой, песчаными буранами и отсутствием всяких видов на будущее.

Третий выбор пал на Алма-Ату.

Теперь каменоломы разбивают на улицах валуны, и тяжелые грузовики увозят их на строительства.

На одной из таких построек, в предгорьи случайно сделано прелюбопытное открытие. При закладке фундамента на глубине двух метров землекопы наткнулись на гряду валунов. Камни круглы, отполированы и занесены повидимому с гор. Этот нижний этаж валунов показывает, что за Алма-Атинкой и раньше водились чудачества, следы которых замели столетия.

В ближайшие годы будет изучен режим этой интереснейшей реки. По всей вероятности наводнения происходят по вине заторов, когда в верховьях скопляется много воды, и, прорываясь, она творит разбой. Ближайшие наблюдения позволят взять хулиганку в руки.

Разрушительных землетрясений по научным наблюдениям, в близком будущем не будет. Впрочем, полотно в районе Алма-Аты все-таки проложено особой устойчивости, не крутое, на широкой подошве.

---

[1] Алма-Ата — отец яблок. Правильней было бы назвать город так «Алматы», что значит «яблоновое место». Под таким названием задолго до основания Верного среди кочевников известно было это место, покрытое зарослями дикой яблони. Дикая яблоня растет здесь и в настоящее время.

Третья столица Казакстана. Одна из центральных улиц.

⁂

Полотно прошло долиной, в десяти километрах от города. Первые паровозы пришли туда на двенадцать дней раньше, чем предполагалось.

В этот день, с рассвета, из города шагали колонны. Профсоюзы, комсомол, пионеры, студенты первого казакского университета, рабочие автомастерских и строители.

Стороной, по аллеям, ковыляли деды. Многие из них шли первый раз взглянуть на паровоз.

Тридцатитысячная толпа окружила укладочный городок. Каждый норовил хоть потрогать его полинялые стены. Если бы не милиция, наверное городок расщепали бы на лучины и растащили на память.

Грянул духовой оркестр. Из вагонов высыпали укладчики и вприпрыжку потянули рельсы.

Толпа так ревела «ура», будто каждый хотел, чтобы его одного слышно было.

В это время самый бравый укладчик Вовка метался, запертый в теплушке. Наконец он забрался на стол, высунулся в окно, черенком от костыльного молотка вышиб у двери подпорку и кубарем скатился с лестницы, не забыв впрочем захватить пачку газет.

Сейчас же под лестницей наш путешественник встретился с вислоухой рыжей собакой.

— На, на...— поманил Вовка, протягивая газеты.

— Уйди, уйди! — в один голос закричали три ревнивых гражданина одного калибра с Вовкой. — Это наша собака. Она к цузым не подходит. Сильва, иди сюда!

Сильва только укоризненно покачала хвостом.

Вовка не ударил в грязь лицом и ответил, что он зато умеет забивать костыли, и, оставив собеседников в самой беспросветной зависти, отправился дальше. Пробираясь под ногами, Вовка поглядывал на неподвижные лица. И вдруг — борода. И какая! Длиной с лошадиный хвост, никак не меньше. Попробовал дотянуться — безуспешно.

— Ой! Дедушка, а дедушк!

— Ая!

— А у тебя борода настоящая?

— А то какая же, глупый. Шел бы, не мешал. Не видишь, дорога пришла.

— Что ли у дороги ноги есть?

Старик поднял Вовку на плечо.

— Вон, видишь, кузнечики молоточками стучат.

— А это и вовсе костыльщики, — возразил Вовка.

Старик не слышал такого слова и продолжал поучать.

— А подальше домики стоят. Не подходи близко, как побегут — сразу задавят. Дедушка, брат, везде побывал, все знает.

— Наверно ты дурачок, старик, — задумчиво протянул Вовка. — Что ли вагоны без паровоза пойдут?

Тут снова раздался такой оглушительный гвалт, словно в очереди за углем разругались паровозы. Вовка нырнул под ноги толпы и вылез возле духового оркестра. Здесь он с разрешения музыкантов попробовал поднять самую большую трубу. Потом стал выпрашивать ее в собственность и, обидевшись за отказ, пустился дальше.

Под конец он встретился с милиционером.

— Дяденька, — обратился Вовка, — это твое ружье?

— Казенное.

— А оно стреляет?

— А то как же не стреляет? Негодящее ружье постовому не выдадут.

— А ну-ка стрельни один разок.

Милиционер в упор ответил вопросом:

— А ты, мальчик, чей?

— Укладкин.

Милиционер поймал Вовку за рукав и поволок через толпу.

На этом и кончились Вовкины похождения.

ШЕСТОЙ ОЧЕРК

Вертай назад!—Нет, дудки!—На локках по Балхашу.—Говорит Москва.

Скрипел песок; грузно шагали лошади; на телегах, под камышевыми сводами, маялись прожженные солнцем и суховеями землекопы.

Потное тело приперчено песком. Проведешь ладонью — острые песчинки царапают кожу. Когда это началось? Сегодня, вчера, год назад? Или так всегда было?

Но что делается с солнцем? Оно готово стоять на полдне до тех пор, пока земной шар не обуглится, как хлебная корка.

Лошади по-собачьи развесили мокрые уши и шагают по песку, грузно раскачиваясь, — вот-вот задохнутся.

Вокруг плещутся голубые миражи. Вот передняя лошадь шагает по воде. Нет, то даже и не лошадь, а ветряная мельница на пруду. Мельница ли? Скорее это парусная лодка.

И опять воды нет, только песок. Пожалуй толки его колесами всю жизнь и никуда не приедешь.

Чайники давно пусты, — лошади выпили.

Разве лошадь напоишь из чайника, да еще в такую жару, когда человек готов пить ведром?

Лошадь останавливается и раскачивается в одышке.

Справа и слева идут обозы — мертвые обозы; скрипит песок.

— Эй, товарищ!

Молчат кибитки.

— Эй, товарищ, испить не найдется?

— Тпрр... Чево такое?

— Водицы, говорю, не найдется?

— А квасу? Квасу не станешь? Ду-рак... Нну, шагай! Водицы? Водицы захотел? Ду-рак!

Обозы идут из Сергиополя на Балхаш. День идут, два идут, и вот впереди в зеленых берегах — Лепса. Нет, не мираж, а река Лепса, одна из семи.

Люди купаются в теплой неглубокой реке и заваливаются в тени ивняка.

Впереди, за Лепсой, волнами раскатились барханы. Где-то там, у Балхаша, затерялсс в песках брезентовый городок. Там от Лепсы ждут подмогу.

Скоро подойдет укладка, надо разгрести дорогу через песчаные горы. Подмоги нет. Люди из палаток посылают разведку.

Подмога раскинулась лагерем на Лепсе. Днем купаются, вечером пекут картошку. Хорошо. Еще день купаются. Вечером снова картошка. Перед рассветом можно набрать воды и тронуться в обратный путь. Только бы до Сергиополя выбраться, а там чорт с ним, с заработком, да и с Турксибом!

От костра к костру мечутся верховые.

— Товарищи! Мы есть делегация из песков, там ждут вас, а вы прохлаждаетесь! Давайте, товарищи, собираться в дорогу.

— В дорогу? Нет, постой.

— Что значит «постой»?

— А то, что ты нас не гони. Мы свое дело сами знаем. Не поедем, и все тут. Пусть по пескам ползают, кому эту дорогу надо, а мы подыхать не станем. Вертай, ребята, до Семипалатов!

Скачет другой верховой.

— Где тут партийцы, комсомольцы? Есть?

— На собрание!

— У нас все одинаковы. Какие тебе в песках комсомольцы? Дома на печи поостались твои комсомольцы. Тут, брат, все одинаковые.

От костра поднимаются двое.

— Нет уж, комсомолец, он хоть где будет комсомолец!

— Ванька, сукин сын! От артели отделяться хочешь? Пускай всех зовут, если собрание.

— Ну, ну, пусти парня.

— А тебе чего?

— Да ничего! Не задерживай, говорю, парня. Раз зовут, значит надо!

Большой костер оцеплен двумя кольцами. В первых рядах сидят на корточках, полулежат, привалившись на локоть. Это званые. Вторым ярусом, не видным в темноте, сомкнулся весь лагерь.

Двадцать-тридцать коммунистов и комсомольцев — те самые, что простояли в лагере два дня и думали повернуть обратно, теперь, собравшись вместе, поняли свою силу и свой долг.

Вот уже и оратор нашелся.

— Мы, как актив, должны итти во главе ударников, а не то что плестись в хвосте. Нам всем довольно стыдно, что в такое время мы тут отдых развели по кустам. А кто построит Турксиб? Барин за нас построит?

«Большой зал» слушает и тоже видит в тридцати силу.

Председатель кричит:

— Какие будут предложения? Сумеем стронуть весь лагерь или нет?

Молчание. Потрескивает костер. Ночь густеет. На середину, к костру, проталкивается обтрепанный мужичонка.

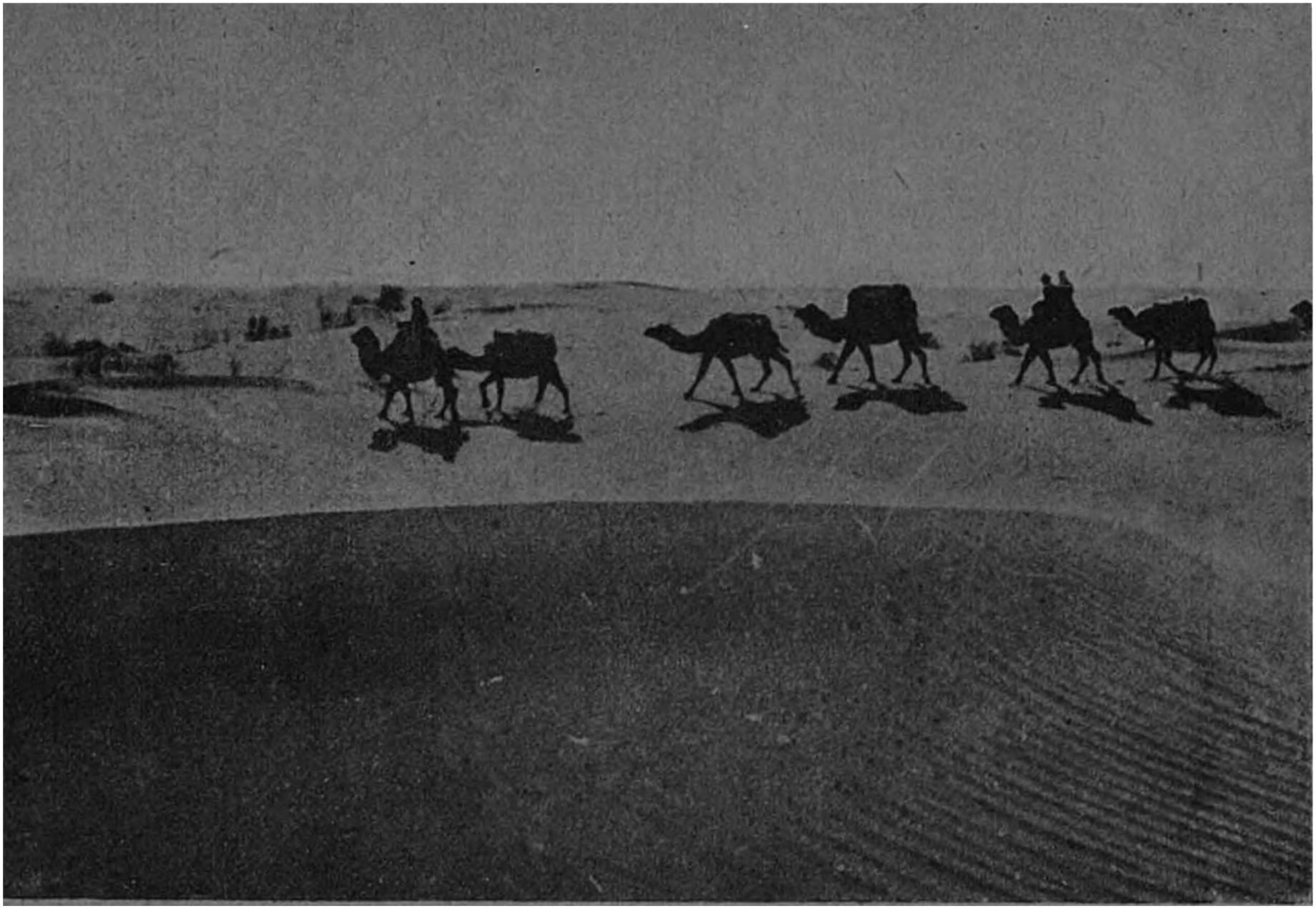
— Сумеете! Известно сумеете! Тут и думать нечего, сумеете. Что же, вы нас всех в контрреволюцию, что ль, записали? Если какой десяток найдется, пускай вертает на Семипалатный. А народ все равно же за вами.

Натыкаясь на телеги с поднятыми оглоблями, люди расходятся к затухшим кострам. Загорелые руки выгребают из угольев недопеченную картошку. Гремят железные путы, фыркают кони. По скрипящему песку уходят обозы. Обозы идут между барханов, к сыпучим берегам Балхаша.

***

Балхаш — Семиреченское море. Казаки называет его Актенгиз (Белое море).

Озеро лежит на равнине, как лист бумаги на столе. Края равнины обложены снеговыми горами. С гор сбегают семь



На Балхаше. Здесь скоро пойдут поезда.

бурливых речушек и, остепенившись в долине, лениво волокут к Балхашу отощавшие волны.

Балхаш — тончайшее озеро. В двухстах метрах от берега воды по пояс. Еще две сотни — до подбородка. Для самоубийц озеро не удобно: пока дойдешь до глубины, устанешь и топиться раздумаешь.

Вокруг пески.

Пескам конца-краю нет.

Люди роют в песках колодцы и радуются пресной, хоть и теплой воде. Через неделю вода солонеет (стекая под почвой в колодец, она вымывает соль). Полотняные города землекопов кочуют между барханов и роют новые и новые колодцы — на неделю.

Продукты везли из Сергиополя гужом. Обозы доходили до разъезда Кара-Кум (разъезд был только на картах и построился позднее). Отсюда Сергиопольский тракт поворачивает на обход балхашских песков, и обозы останавливаются— ни за какие деньги не идут в пески. Пришлось развозить продукты и материалы на автомобилях с двойными задними колесами (лучше: не тонут в песке). Даже лошади грабарей пользовались услугами автотранспорта: машины подвозили овес и сено.

Легко понять, как в балхашских песках ждали поездов.

И вот в пески уткнулся северный (из Семипалатинска) укладочный городок.

Северяне без отдыха тянули рельсы от самого Сергиополя, теперь пошли через пески.

День идут, два, десять, пятнадцать...

Давно отвыкли от свежих продуктов и свежих газет. Как-то проехал начальник строительства, оставил газетный лист, где рассказывалось о захвате Китайско-Восточной железной дороги и была напечатана нота советского правительства.

Газету читали в вагоне-клубе по очереди целую неделю. Гостям показывали, не выпуская из рук.

Разгорались споры.

— Буржуй, он буржуй и есть, — говорил один. — Чего с ним разговаривать? Собрали бы старых партизанов — вот тебе и нота. Мы бы прописали ноту.

— Нам воевать нельзя. У нас такой закон: нас не тронь — мы не тронем.

— А дорога где? Оттяпали дорогу? Вот тебе и не трожь! Нет уж, без оружия с китайцем говорить не приходится.

— Китаец, он тоже разный бывает. Другой китаец всю жизнь саранчу жрет, а другой не хуже помещика или фабриканта. В Кремле-то ведь тоже не дураки сидят. Мы политику больше к тому клоним, чтобы китаец, на нас глядя, сам своим буржуям по загривку наклал.

Споры тянулись вечер за вечером, а новых газет не было.

И тут вот костыльщик Миколаенко снова взялся за радиоприемник. До новостройки он на большой станции состоял в радиокружке. С самого Семипалатинска принялся мастерить приемник, да ничего не вышло, только просмеяли.

Теперь снова взялся за старое, и никто не смеялся: очень хотелось услышать новости из Москвы. Вечерами сидели вокруг рупора, наблюдали, посапывая носами.

Между тем становилось жарче. Поговаривали, что в июле не следовало соваться в пески. Небось и переждать можно было. Народ губить тоже не годится.

Воздух не остывал даже ночью, а с восходом солнца все так раскалялось, что ни к чему нельзя было прикоснуться. Работали в рукавицах.

С восходом солнца начинается восточный ветер. Барханы трогаются в путь. Они идут медленно, совсем незаметно, метр-два в день (песок течет к вершине бархана и осыпается на подветренную сторону).

Сухость. Застойная, обваривающая жара. Изредка из-под ног шмыгнет ящерица, незаметная, песчаного цвета. Даже змеи и те попрятались.

Над головой выцветшее небо, вспухшее от жары. На горизонте назойливо неподвижная полоска. Туча ли это или кромка песков, всплывшая на волнах миража? Она на-

зойлива, как заноза, как пластырь на заживающей болячке. Взять бы, сжать зубы и сорвать ногтем. Кажется, лопнула бы тогда воспаленная голубоватая кожица, и на землю потоками хлынули бы прохлада и легкость.

Тяни и тяни рельсы.

К полудню крепчает ветер. Барханы поворачивают на юг. Ветер все крепчает. Барханы дымятся. Вот между барханов первые змейки. Укладчики спасаются в вагонах. Валяются, обливаясь потом, до ночи и до следующей ночи, и по три дня.

Иногда происходят странные вещи: уходит насыпь. Она перекатывается в сторону или растекается по барханам, а рельсы съезжают набекрень.

Приходится связывать насыпь: ее покрывают снопиками камыша, как лошадь попоной. Тогда на нее наступают барханы. Приходится и их останавливать камышевыми щитами. В будущем можно вырастить на барханах корявый саксаул и камышеобразный кий — трава останавливает полчища песков.

На четвертой неделе показалась полоска воды. Днем она потерялась в мираже, но каждое утро раскрывалась все шире и шире.

И вот укладка у Балхаша.

Побросав костыли, гуртом побежали на озеро. Впереди саженными шагами — Бубчиков, командор укладки — «наш Ворошилов», как его называют, — первый бросился в воду и... бежал, бежал по колена. Оглянулся на хохочущих ребят, лег на спину, побултыхался и зашагал дальше.

Два дня укладчики отдыхали. Некоторые ходили в рыбачьи поселки и катались на лодках.

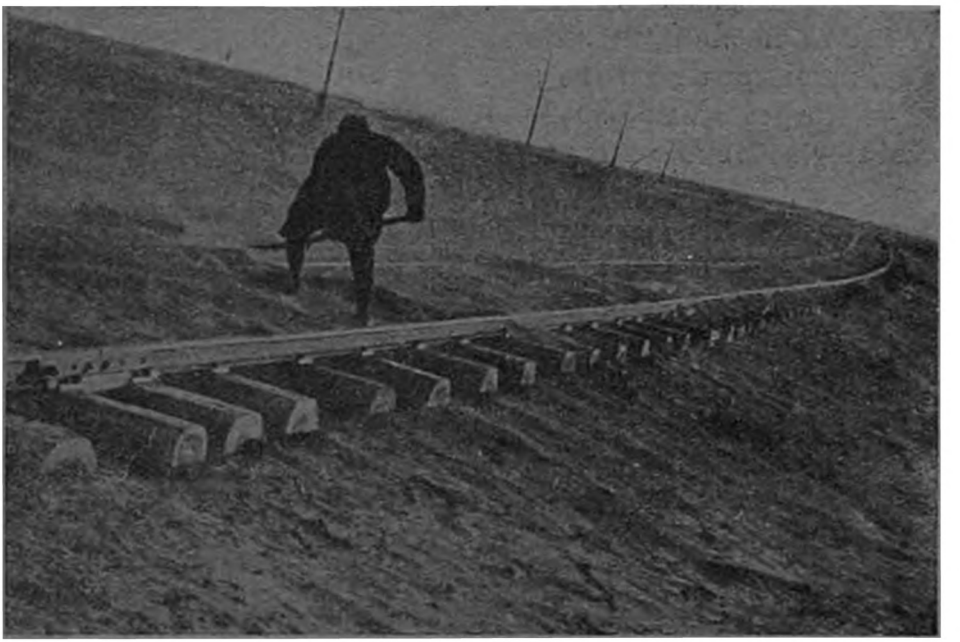
Туркснб открыл перед балхашским асманом, маринкой, сазаном и белым окунем двери на рынки.

Рыбаки на радостях сами взялись прокатить укладчиков.

В пути старики рассказали, как на их глазах озеро населил сазан. Какой-то чудак привез в банке в устье Или ораву мальков. От них пошло целое племя.

Кроме рыбной ловли, поселки промышляют охотой на кабанов. Кабанов в камышах — целые табуны. На островах таборы птицы, но ее не бьют — жалеют припасов.

Лет десяток назад в камышевых зарослях водились тигры. Поселки ходили на них облавой и в случае неудачи спасались в воде, которой тигр боится. Тигр ляжет на песок и помахивает хвостом. А население целого поселка с



Наступали барханы... На снимке: рельсы занесены песком.

шомпольными ружьями и намокшими припасами сидит по пояс в воде и дрожит от холода и страха. Иногда возвращались вброд, под конвоем, по воде до самого поселка.

Как раз летом 1929 г. на Балхаш забежали два тигра из Монголии. Маршрут этих «туристов» не трудно было узнать: они «расписывались» в каждом поселке, убивая скот.

Позднее облавой на тигров выходили целые отряды охотников из Алма-Аты. В газете была назначена большая премия за тигровую шкуру. Но тигры оказались не очень жадные до премий и заблаговременно скрылись.

Наши путешественники перетрусили.

— А может их и не два, а целая стая?

— Нет уж, два.

— А может старые остались?

— Холоду они не терпят. А зимы пошли лютые. Тигр, он на холоду не держится.

— А раньше держался?

— Тепло было, оттого и держался.

Где-то поблизости заходили камыши, хлюпнула грязь. Все, кроме рулевого (на руле был рыбак), онемели.

— Потревожили барина. Первое дело ему в грязи полежать,— любовно заметил рыбак.

— Тигр? — шопотом спросил один из туркоибцев через минуту, все еще держа над водой весла.

— Тигр, который хрюкает.

После путешествия по Балхашу все завалились спать Только в клубе и конторе светились окна. В конторе обсуждался вопрос о возобновлении работ.

— Бузить будут ребята. Просят неделю на отдых.

После заседания, в полночь, секретарь ячейки зашел в клуб. Миколаенко сидел над приемником.

— Торчишь?

— А что же, нельзя посидеть?

— Комсомолец. И-эх, вы! Поагитировать бы, как комсомольцу, а он целый день подыхает над своей музыкой,— и секретарь сердито потопал с лестницы.

Миколаенко снова нацепил наушники, сунул куда-то медную проволоку, свернутую спиралью вокруг пальца, и взялся за стрелки.

Через взвизгивание, хрип и высвист послышался голос.

Миколаенко подкрутил стрелки.

— Теперь, — услышал он трескучие слова, — начинаем передачу информаций для газет. Принимайте телеграммы о событиях в Китае...

Миколаенко сорвал наушники и, прыгнув из вагона, закричал:

— Товарищи! Сюда! Москву слышно!

Городок не откликнулся.

Миколаенко бегал от вагона к вагону, барабанил по стенкам и кричал:

— Вставайте! Москву слушать! О Китае!

К вагону-клубу, спотыкаясь, бежали сонные люди и теснились у громкоговорителя.

...«Продолжаем передачу ночных телеграмм... Москва, 13 июля»... И голос принялся диктовать, останавливаясь после каждого слова:

«...С самого... начала... конфликта... на К.-В. ж. д. при непосредственном... содействии... китайских... войск... белогвардейцы... систематически... обстреливали... наши... пограничные.. заставы... и мирное... население... За последние... дни... в нескольких... пунктах... было... зарегистрировано... с нашей... стороны... несколько... убитых... и раненых... Обнаглевшие... белобандиты... и китайские... части... не ограничиваясь... обстрелом... местами... даже... пытались... перейти... на нашу... территорию... В районах... Благовещенска... в устье... реки... Сунгари... и озера... Ханка... скобка... около... Владивостока... скобка... белогвардейцы... при поддержке... китайских... войск... напали... на советских пограничников... Решительными... действиями... наших... частей... нападавшие... были рассеяны».

Умолк. Взять бы громкоговоритель за горло, тряхнуть и сказать: «Повтори!».

— Чего же это, товарищи, а? Наши-то чего смотрят?

— Чшш...

«Продолжаем передачу ночных телеграмм. Москва, 13 июля: Приказом... Реввоенсовета... СССР... подписанным... тов. Ворошиловым... объединяются... все вооруженные... *силы... расположенные... на территории... Дальнего... Востока... в армию... с наименованием... ОСОБАЯ... ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ... АРМИЯ. Командующим... назначен... тов. Блюхер... которому... ПРИКАЗАНО... НЕМЕДЛЕННО... ВСТУПИТЬ... В ИСПОЛНЕНИЕ... СВОИХ... ОБЯЗАННОСТЕЙ*».

Несколько минут вагон ждал.

— Товарищи! — Заговорил Миколаенко.— Чего же мы здесь сидим? Там буржуи наступают, а мы сидим! Кто идет в добровольцы на буржуйскую свору?!

— Чшш...— остановил секретарь ячейки. — Повремените. Если надо будет итти, мы всей укладкой пойдем. Но только, я думаю, с нас совсем другое спросят. А спросят нас за дорогу. А где, спросят, Турксиб? Потому что Турксиб — это есть укрепление нашей мощи. И я предлагаю написать, что мы, если надо, сегодня же можем пойти в бой, а пока давайте еще больше покажем нашу работу здесь, на балхашском фронте. Мое предложение такое: языками долго не болтать, а пока холодок — выйти врастяжку.

В Москве было два часа ночи. На Лубянке кружили последние трамваи, большие, светлые и пустые.

На Балхашем молочно белело предрассветное небо. По рельсам гулко прогромыхала первая вагонетка.

СЕДЬМОЙ ОЧЕРК

Падение Огуз-Окургена. — Можно ли застудить тепляки?— Марсиане в Илийске.

Люди Турксиба перешагнули бурливый и многоводный Иртыш, одолели балхашские и чуйские пески, приступом взяли Чокпар. Еще труднее оказался последний переход перед встречей юга и севера. Гор, оврагов и балок здесь понагорожено столько, что хватило бы и на три дороги. На каждом километре — мосты, виадуки, бетонные трубы. Через одну только реку Дос пришлось построить семь мостов, через Биже — семь, через Кши Биже — три. А там еще Карауэяк, Сарыузяк, Караиспе, Майтюбе. Досу и Кши-Биже строители в двух местах заявили отвод, переводя их в искусственные русла.

Трасса прорвалась через горы по тропинам речушек.

Переулки между ущельями пришлось пробивать аммоналом. У выхода с юга к Айна-Булаку расположилась отвесная скала, крепкая, ростом с хороший небоскреб. От времени и от ветров гора потрескалась, на перекрестках щелей выкрошился камень, и птицы свили гнезда.

Осенью управление начало стягивать силы к Огуз-Окургену. Накануне открытия работ в контору участка явился подрывник Петров с предложением поразительной смелости. Петров обещал ускорить работы на три месяца.

Посылались телеграммы в Алма-Ату. Весь участок нетерпеливо ждал результатов.

Управление согласилось.

Тогда люди продолбили в скале два туннеля, заложили в них по три тонны аммонала, провели наружу, к динамомашине, медные струны.

Скользнула по проволоке электрическая искра. Гора хрустнула, пошевелилась, чуть-чуть выдвинулась вперед, из ее лопнувших боков брызнули камни, и она рухнула в долину. Пять-шесть минут на ближайшие сопки осыпались камни.

По ущелью хлынули к Огуз-Окургену толпы рабочих. Они застали на месте скалы осыпь щебня. Щебень еще не улегся и стекал ручейками в долину.

Обитатели Огуз-Окургена, вернувшись с добычи, на весь свой птичий век были озадачены бесследным исчезновением благоустроенной и, казалось, нерушимой своей крепости.

Зима застала на последнем участке разгар работы: гремели взрывы, строились бетонные мосты, закладывались проточные трубы. Над устоями взводимых мостов возвели тепляки. Бетон варили в котлах, и они наполняли долину едким смоляным чадом.

Пришло время, и подули зимние ветры, забросали ущелья сугробами, закрыли дороги и без предварительной заявки потребовали людей на новые работы — надо было добывать топливо.

Началась суровая зима 1930 г., последняя в истории строительства. Пришли за буранами морозы. Землекопы бросали насыпи и расчищали дороги. Шоферы, отправляясь в Алма-Ату за саксаулом, закутывали войлоком радиаторы, но вода замерзала и рвала трубы.

А в рабочих городках не было топлива. Инженеры садились за чертежи в перчатках и шапках. Рабочие спали в войлочных мешках, как на северном полюсе.

И с последнего перегона потянулись беженцы, а оставшиеся принимали на свои плечи их долю труда. Тогда некоторые сказали:

— Мы замерзаем, а для тепляков, согревающих бетонную кладку, находится топливо. Пусть лучше остынет бетон и летом придется возводить мосты вторично, но мы согреем юрты.

На собраниях заговорили:

— Можно ли остудить тепляки? Нет, ни за что. Пусть лучше мы помаемся последнюю зиму.

Энергия побеждает стихию. Строители с помощью кочевников разыскали залегание каменного угля. Уголь был плохой, но его долбили в несложных колодцах, и он все же согревал. Прорывались автомобили за саксаулом. Еще раз пришли на выручку верблюды, они притащили с Прибалхашья снопы чия.

К весне осталась одна неодоленная гора между Огуз-Окургеном и Айно-Булаком. Через нее прорубали выемку длиной в полкилометра. Предварительно гору взорвали по способу Петрова, потом разбивали камни мелкими взрывами и по узкоколейке вывозили камень. В довершение всего в марте иссякли запасы аммонала. Пришлось прервать разработку. Подводы с аммоналом прискакали пожарным аллюром. Но уже к Огуз-Окургену подступала укладка.

Осенью в 90 километрах от Алма-Аты укладочный городок перешел Или — самую большую из семи рек. Ростом Или — 1 300 километров. У истока, между снеговых вершин Хан-Тенгри, зовется Текесом. Отсюда, с вершинного Казак-

стана, по уступам спрыгивает в Китай. Границу переходит без паспорта: скрывшись подгалечными наносами, контрабандой переносит воду. За границей ведет себя развязно — бурлит, роет ущелья и, утомленная, спокойным потоком возвращается в Казакстан, в степи.

И вот на половине течения вытянулся над рекой на тон-

Еще раз пришли на выручку верблюды.

чайших бревенчатых лапках временный мост. Осторожно, как по канату, переходят поезда.

Рядом русобородые каменщики строят бетонный островок. Посредине тот островок продырявлен, и через каждые шесть часов муравьиной цепью в нору уходят хмурые рослые кессонщики.

Они закладывают под водой устои будущего постоянного моста. Строят кессон. Строится он так. В воду, краями вниз опускают стальную коробку. На ней укладывается островок. Края коробки под давлением камня впиваются в песок.

Когда он наполняет всю коробку, туда через островок спускаются рабочие, вычерпывают грунт, и кессон, под давлением продолжающейся кладки, опускается глубже и глубже.

Но как же люди работают под водой?

Опустите в воду стакан, держа его кверху дном. Вода займет только половину стакана. Дальше ее не пускает уплотненный воздух. Большие электрические машины накачивают в кессоны воздух, и он вытесняет воду. Чем глубже кессон, тем больше накачивают воздуха. При глубине в двадцать метров воздух в кессоне втрое плотнее, чем на поверхности. Инженеры говорят: давление — три атмосферы.

На Марсе давление атмосферы еще больше. Марсианин (если там действительно существует жизнь) внезапно переброшенный на землю, задохнулся бы от недостатка воздуха. Жителя Земли на Марсе задавит воздух.

В кессонах работают отменно здоровые люди, но все-таки каждый день перед спуском их осматривает врач.

Наши укладчики захотели спуститься в кессон.

— Я думаю, — говорил Полумиско, — костыльщик хоть где выдержит.

Доктор ощупал и ослушал всех очень внимательно, и многие, кто был хоть чуть нездоров, вернулись домой. Вернулся и Полумиско — у него оказалась сердечная болезнь. Вовку доктор даже и осматривать не стал, как тот ни упрашивал.

— При спуске чаще отдувайтесь,— посоветовал в заключение доктор здоровякам. — Будет тошнить — сосите сахар.

Прямо из амбулатории по мосткам здоровяки перешли на кессон. Над островком висела железная кадка.

— Ну,— сказал Чижов,— кто куда, а я в сберкассу.

Перекрестился, поклонился Михалычевой бороде и первый шагнул в кадку.

Шахта разделялась на комнаты (сверху вниз, как стебель камыша). Кадка опускалась медленно. С каждой камерой

воздух становился плотнее. На глубине десяти метров больному насморком продавило бы барабанные перепонки.

На улице лежал снег, чистый и ослепительный, как пламень.

Река шелестела снегом и льдинками. Вода была черная, она дышала пронизывающим холодом.

В кессоне было темно. За обшивкой колодца журчали ручейки. Чем ниже, тем становилось теплее. Путешественники наши сосредоточенно отдувались. Только Чижов не унывал.

— Ну, старик, теперь поехали до самого ада. Кайся в грехах: не было ли прогулов, не опаздывал ли на работу?

Бадья ткнулась в мягкое дно кессона. Пассажиры вышли на сырую, отжатую воздухом землю.

При тусклом электрическом свете крепкие широкоплечие кессонщики долбили кирками глину. Другие работали лопатами. Бросали землю в бадью, а бадья подымала на поверхность.

Обратно наши путешественники подымались целые двадцать минут. Кадка в каждой камере останавливалась, и путники морщились от головной боли и сосали сахар.

На поверхности еще ослепительнее полыхал снег.

* * *

Кессонщики вели соревнование. К будущему лету надо построить постоянный мост, временный не выдержит половодья (Или, как и другие реки Туркестана, разливается летом от таяния ледников).

На глубине тридцати метров кессон встал на скалу.

Каменщики вывели над ним крутые бока устоя. Формой кессон напоминал собачий клык. Корень — с пятиэтажную башню.

Весной, на митинге, посвященном открытию моста, выступил начальник Турксиба Шатов.

— Мы эту дорогу построили для них,— говорил он, кивая на пионерскую колонну.— Простите, дети, что и вам

приходилось так много переносить. Вы слишком рано узнали песчаные метели и юртную жизнь.

Октябренок, поднятый на трибуну-платформу для ответного слова, растерялся и, морща лобик, готовый расплакаться, молчал. Шатов шепнул ему что-то на ухо.

— Да здравствует Турксиб,— еле слышно сказал октябренок.

— Ну, громче, смелее.

— Да здравствует Турксиб!

Оратора взяли на землю. Его окружили товарищи и принялись укорять:

— Эх, ты, расплакался! Надо было сказать, что мы тех, кто построил Турксиб, любим. Когда мы вырастем большие, мы построим другой Турксиб, еще больше этого.

ВОСЬМОЙ ОЧЕРК

На новой станции.— Вдоль фронта.— Казакстанское судоходство в опасности.

Автобус «Алма-Ата город—вокзал» останавливается среди поля.

Круглолицый весельчак ныряет в буранную темень. Ему на шерстомойку.

Вы торопливо захлопываете дверцу автобуса и, спрятавши подбородок в воротник пальто, слушаете, как шофер со скрежетом включает скорость. Впереди, под прожекторами машины торопливо шагает весельчак, перегнувшийся под тяжестью покупок. Он вышел рано.

Машина нагоняет. Вот он уже рядом, за стеклянной дверцей. Через снеговую сетку видно, как он торопится за желтым крылом машины. Будто и ему от этого теплей и уютней. Шофер снова скрежещет. Машина нервно подается вперед, на третьей скорости. Человек пытается тоже прибавить ходу. Нет, отстал.

—. Мы построим другой Турксиб, еще больше этого.

Как хорошо в эту минуту в автобусе! Кажется даже электричество горит ярче.

Еще лучше утром в теплом вагоне уезжать с недостроенной станции. Позади — холодная слякоть маленького вокзала. Вокруг — пустырь. Непомятый, чистый снег с очень редкими желтыми и серыми пятнами (это его опалил нефтью и паром маневровый паровоз). Поезд провожать выходит дежурный, строгий и долговязый, «как на настоящей дороге». Поезд набавляет ходу. За поездом, протаптывая первые тропинки, торопливо шагают озабоченные люди.

Вам кажется, что они провожают вас с завистью.

— Товарищ дежурный, остановите поезд! Давайте отстанем и присмотримся к новой станции.

Поезда уходят, а станция остается. Досчатый перрон мгновенно пустеет, и тогда видишь, что станция живет не на перроне, а где-то глубже, осмысленней и многообразней.

Десять лет назад в Алма-Ате проходил уездный съезд советов. Вот что написал о нем Д. Фурманов в «Мятеже»:

«Говорили мы дальше и об участии масс в управлении промышленности, и о спецах, и о ремонте паровозов, но мало: три четверти съезда — уж никак не меньше — в жизнь свою не слыхали фабричного гудка, паровозного свистка, не видели ни шпал, ни вагона, ни рельсов».

Теперь эти три четверти видели вагоны, и шпалы, и рельсы, и слышали паровозный свисток. Многие из них даже ездят на паровозах. И уж конечно никогда и нигде не говорили так много о паровозах, шпалах и рельсах, как здесь.

Зайдите в клуб, в канцелярии, в рабочкомы, послушайте. Вот вы в конторе тяги (разумеется — никаких стеклянных переборок, обыкновенный вагон, сквозь облака табачного дыма можно даже разглядеть жестянку: «для некурящих»). В конторе битком казаков. Здесь записывают на курсы смазчиков.

— Не надо сказать «старик». Мен молодой. Мен хочет учиться. Совсем хочет учиться.

В клубе с утра до вечера работают курсы. Будущие стрелочники, будущие начальники станций, будущие паровозные машинисты — все они вчерашние кочевники. Зимой — курсы. Летом — опять курсы. Ученики уже стали учителями. Смотришь — двое казаков целый день не отходят от стрелки. Это ученик и учитель. Ученик по сигналам переводит стрелки.

Смотришь — у стрелки ученик и учитель.

На нем ватный халат, привезенный из аула. И сам он — совсем кочевник. Кажется — поставь его к стрелке, а он, как только завидит поезд, сядет на верблюда и удерет в степь.

На утро ученик встречает первый поезд. Он держит зеленый флажок, как знамя. Халата на нем нет. Рукава белой рубахи засучены аккуратнейшим образом. Сколько в нем торжества! (Нет, не уйдет, никогда не уйдет!)

Большое ли дело — стрелочник? Но если целый народ встречает первый поезд и если целый народ сам прини-

мается переделывать свою жизнь — тогда это торжество. Тогда — да здравствует стрелочник, встречающий первый поезд!

Недостроенная станция обрастает «окраинами». За одно лето выросли со всеми их прелестями вездесущие «Шанхай» и Муравьевка (тесно, как в муравьиных норках).

Населяют их бывшие коновозчики, из кулаков, и худшая часть сезонников, пришедшая загребать шальные деньги, погреть руки на горячей стройке.

Не мало их набежало, этих волков, которые готовы бы съесть весь Турксиб, потому что «казна не обедняет» и «у казны денег много».

Их осаживают сами рабочие. Тогда «волки» копают землянки и прячутся в них от соревнования и ударных бригад и потихоньку торгуют водкой и кооперативной мануфактурой.

Бегут сюда еще маловеры, убежденные, что «в казенном доме» хорошего житья никогда не будет, и мечтающие про себя приобрести лошаденку, посадить огородец, еще приобрести лошаденку, бросить дорогу и заняться чем-нибудь «повыгоднее».

В одной такой берлоге — в Муравьевке — живет рабочий конного двора. В настоящей берлоге: в норе, под сугробом снега — через него бездомные собаки даже проложили тропинку. Берлоги этой не найдешь без проводника. Издали видна только над сугробом дымящаяся головешка, которая впрочем, при ближайшем рассмотрении оказывается не более не менее как дымоходной трубой.

Под сугробом ютятся трое. «Домохозяин» говорит: «В общем житии никогда хозяином не будешь. Тут я хоть какой никакой скарбишко заводить могу. Без этого человеку существовать невозможно». Он мечтает еще о «какой никакой» живности.

Половина муравьевцев подторговывает на станции семечками, пирожками и водкой. Муравьевские шинки берут в плен жителей «центра». Кто наступает с этими шинками?

Группа рабочих подала заявление на Лаврентия Кульбеду. В деревне у Кульбеды кулацкое хозяйство. Спекулирует среди сезонников мануфактурой и водкой, а, споив, разжигает страсти против соревнования.

А мы очень мало заботимся о рабочем быте. В столовой холодно, сыро (даже варежки снимать неохота). Щи пахнут мокрым бельем. В клубе — старая газета. В бараках — теснота.

Мы выходим из автобуса ночью в пустынную буранную степь.

Нам надо прокладывать новые пути для поездов, чтобы потом засеять пустыри, построить фабрики и хорошие дома. Но жизнь в теперешних, временных плохих домах надо все-таки защищать от скверного быта старых окраин.

На утро ученик встречает поезд.

* * *

Ночью, в снеговом урагане, на станцию врываются длинные черные поезда, груженные шпалами и рельсами.

Засыпанные снегом кондукторы приходят к дежурному по станции, ставят у двери на мокрый пол фонари, кладут рядом тулупы, окоченевшими пальцами вытаскивают из сумок бумаги и только потом неторопливо сдирают сосульки с усов и бровей.

Мимо окон несколько раз торопливо пробегает сердитый паровоз.

Фонари плывут к поезду. «Главный» дает свисток и боком прыгает на подножку.

Чаще и чаще топает паровоз. Вагоны выплясывают чечотку. Бесстрашный поезд погружается в темноту. Он спешит на укладку и каждый день проходит все дальше и дальше по ущельям.

Поезда торопятся в Сибирь. За хлебом! За лесом!..

Через пять месяцев в горах у Огуз-Окургена назначен слет паровозов Сибири и Средней Азии.

* * *

На Турксибе нет тыла. В Семипалатинске, Сергиополе, на Чокпаре и в Алма-Ате, где рельсы уже проложены, последнюю весну так же дрались за смычку, как и под Огуз-Окургеном.

Разве легко наладить движение по новым рельсам? Голая степь. Вместо депо — открытые стойла для паровозов. Новые люди на паровозах и в кондукторских будках. Временные мосты, неслежавшиеся насыпи, рельсы по берме.

А тут по всему фронту на Турксиб напала весна. Самые маленькие ручейки и даже суходолы закипели полой водой, пошли штурмовать насыпи и мосты.

Младшая из семи рек—Ак-Су—и та, разметавшись по долине, смыла насыпь.

От берега к берегу веревочной лестницей обвисли рельсы с перекошенными ступеньками шпал.

Из Семипалатинска подходили торопливые поезда, но, постояв возле реки, пятились обратно, а их обгоняли тревожные телеграммы северного укладочного городка:

«Запасы рельс истощаются... Срочно пропускайте составы с рельсами... Укладка встала...»

В это самое время подкатил наш поезд из Семипалатинска.

Ехали мы недели две. Сначала, до Сергиополя, в плацкартном вагоне, потом в теплушке и наконец на платформе с рельсами. Ничего не поделаешь: рельсы в то время были почетнейшими пассажирами Турксиба.

Три последние платформы нашего состава нагружены были плугами, боронами и сеялками для аулов и для совхозов, начавших распашку побережья семи рек под рис, кенаф и ворсовальную шишку.

Ехали на заячьих правах. На каждой станции нас гонял с платформ главный кондуктор, дежурный и кто угодно другой. Впрочем мы немедля возвращались на место..

Первые поезда везли по Турксибу машины для казахстанских полей.

Кого только не было на нашей платформе!

Семипалатинский парикмахер — по-птичьему беззаботный паренек, всех он называл «махровыми бюрократами» и объяснял: мохом обросший.

Тут же сидели прораб из-под Илийска, спекулянт дефицитными товарами и десятка два женщин. Тесно было, как на непрополотой грядке.

Чем ближе мы пробирались к укладке, тем чаще попадались навстречу караваны верблюдов. «Корабли пустыни»

возвращались из последнего дальнего рейса. Они шарахались от поезда в сторону, вытянув шеи и широко раскидывая ноги.

— Страшнее себя увидал, бюрократ махровый,— говорил семипалатинский парикмахер: — мохом весь оброс.

Попробую описать верблюжью внешность. Возьмите поджарую собаку ростом в две с половиной лошади. Поставьте на спину букву «М», а вместо собачьей головы на длинную загогулину насадите беспредельно глупую морду с обвислыми губами. Может быть получится что-нибудь похожее на двугорбого верблюда. А вернее, что все-таки ничего похожего не выйдет.

Самое приметное качество верблюда — прожорливость. На барханах растет безлистый кустарник — саксаул. Ветки— кость. Волосяная веревка. Их нельзя рубить топором, но можно дробить обухом. Верблюд ест эти ветки. На солонцах растет осока — та самая, о которую можно обрезать ногу. Верблюд ест осоку. Верблюд все ест. Он съел бы свою собственную голову, гриву и хвост, и не ест только потому, что голову жевать нечем, гривы у него нет, а хвост не длинней поросячьего.

Зато этот обжора может целую неделю не есть и не пить. Этим и заслужил звание «корабля пустыни».

Балхашская «флотилия» возвращалась из последнего плавания. Караваны вышли в путь, когда еще не были проложены рельсы.

В будущем паровозы будут перевозить в Туркестан только хлеб и лес, ежегодно два миллиона тонн. Попробуйте поупражняйтесь в арифметике. Верблюд несет двадцать пудов — треть тонны. От Семипалатинска до Фрунзе и обратно пройдет сто дней. С годовой перевозкой Турксиба справились бы два миллиона верблюдов, если бы отказались подыхать в дороге и отдыхать. Образовалась бы четырехрядная карусель в три тысячи километров окружностью. Всего верблюжьего населения земного шара нехватило бы на такие перевозки, при чем эта скотина в первый же год пожра-

ла бы на своем пути не только саксаул и осоку, но и пирамидальные тополя, и телеграфные столбы, выпила бы озеро Балхаш со всеми семью притоками и все-таки не насытилась бы.

Поэтому-то «корабли пустыни» и получили отставку.

Поэтому-то и северяне и южане Турксиба героически защищают фронт от весенних вод.

* * *

Итак, мы прикатили на Ак-Су. Здесь день и ночь шла работа. Рабочие прыгали по ныряющим шпалам, проталкивая шестами скользкие льдины.

Как только вода пошла на убыль, с обеих сторон подкатили платформы с песком и щебнем, и рабочие, наскоро соорудив полотно, пропустили укладочные поезда. И мы проехали.

* * *

На утро поезд застрял в Мулалинских горах.

Возле станции Мулалы, в конце северной части Турксиба, залегает глубокая щель. С обеих сторон над ней возвышаются скалы: сверху каменистые, но в глубине, у основания выемки, рыхлые.

* * *

И вот вода просверлила норки, и камни поползли на рельсы. Пять, десять, пятнадцать дней землекопы расчищали выемку.

Поезд стоит на станции. Наконец ночью тронулся.

Осторожной поступью минует первую выемку и выходит на мост, необыкновенно высокий и узенький. Поезд похож на канатоходца. Ферм по бокам моста нет, под колесами чернеет пропасть почти нереальной глубины.

Мост пройден.

— Теперь закурить не мешает, — облегченно вздыхает прораб с Биже.

— Обязательно даже, — подхватывает парикмахер, — теперь основную задачу переехали.

— Переехать,— это не задача,— неизвестно для кого продолжает прораб. — Выемку разработать — вот это задача.

* * *

На юге самая большая опасность нависла над Или.

Рабочие дежурили у моста днем и ночью, как у изголовья больного.

Едва старшая из семи рек загремела броней, разрывая ее, сминая и скидывая к ногам, и на жиденькие устои временного моста навалились первые льдины, весь Илийск сбежался на помощь.

Рискуя жизнью люди прыгали со льдины на льдину и рвали заторы аммоналом.

Все-таки ледоход надломил несколько устоев. Остановились поезда. Укладчики-южане выходили на холмы высматривать поезд, словно каждый ждал самого близкого человека.

Через несколько дней над Или прошел пробный паровоз.

Он шел осторожно, словно по осеннему льду, и едва вышел на берег, заголосил протяжно и резко, заглушая шорох весенних вод.

Хотел ли он, чтобы его услышали на укладке?

ДЕВЯТЫЙ ОЧЕРК

Схватка на реке Биже. — Айна-Булак взят. — На чем срезались бы Шапошников и Вальцев.

Пройдя сразбегу два километра за Айна-Булак, укладчики-северяне остановились у недостроенного моста через Биже, ждущего ферм с юга

Южная укладка, вырвавшись из ущелья Огуз-Окурген, уткнулась в последнюю неразработанную скалу. Скала закрывала от южной укладки и для мостовых ферм путь на Кши-Биже, а для поездов с юга — путь на Сибирь.

Городок остановился в щели. Справа над ним висели камни, налево спускались к реке каменные ступеньки. Один вагон оказался даже на мосту. Едва ли кто предположил бы, что здесь можно простоять долго. А между тем, едва теплушки прекратили толкотню, люди спустили лестницы, и через десять минут состав украшали цинковые тазы и корыта, гирлянды белья, а на одном вагоне появилась даже ивовая клетка с двумя пестрыми птицами. И люди, и вагоны привыкли останавливаться всюду: в ущельях, под стенами гор и среди сыпучих песков, над бурлящими горными потоками и в безводной степи. И всегда — в удушливо-знойном июле и в декабре — под сугробами снега.

Прыгая через концы лестниц, укладчики бежали к вагону-клубу.

В клубе и по теплушкам говорили об одном: последняя гора может задержать смычку. Надо помочь каменоломам и грабарям.

— Ясно, помочь. Дело общее.

Это было мнение большинства. Но несколько человек забузили.

— Мы к каменоломным работам не способны. Наше дело — костыли бить, а не камень ломать.

— Как так неспособны? Раз надо, значит и способны.

— Это не факт, если надо.

— Нет, факт. А смычки не будет — это тебе не факт?

Новый секретарь ячейки Лобачев успел местах в трех произнести горячие речи.

— Нам, как укладке, довольно стыдно тут разговаривать, когда смычка задержаться может. А если к двадцать восьмому смычки не будет, тогда что скажем? Мы же будем в роде предателей. Кто тут испугался камня? Чокпар перевалили? Чуйские пески прошли? Воду кружками получали?

А теперь осталось три километра и подведем рабочий класс и правительство. 28 апреля тут все делегации будут на смычку, а смычка где? Где смычка?

Тут в клуб ватагой ворвались комсомольцы. Гнусарев встретил улыбкой:

— Что скажет нам наша краснознаменная смена?

Комсомольцы давно числились должниками укладки. Еще под Алма-Атой на укладку пришли шестеро комсомольцев. Квалификации ребята не имели, и их послали на черный ремонт, чтобы научились держать молотки, а потом — в костыльную бойку. На утро является один из них, Ефремов:

— Я на такую работу не шел. Подавай другую.

— ...Чего? Подучиться? Никаких учений! Или другую работу, или сегодня же всю братву забираю.

Братва предпочла расстаться с Ефремовым, но хороводила долго.

Теперь комсомольцы ответили:

— Что мы скажем? Нам как комсомолу за длинными рублями да за легкой птичьей жизнью гнаться не приходится. Выходим на камень ударной бригадой — и точка.

* * *

Несколько дней лил дождь.

Каменоломы и укладчики, грязные, продрогшие в размокшей одежде, все-таки не выходили из ущелья.

Оставалось 11, 10, 9 дней до торжественной смычки, а через ущелье нужно еще протянуть рельсы и перебросить через Биже мостовые фермы.

Горячка все усиливалась. 80 укладчиков в первый день нагрузили камнем 9 поездов по 40 вагонеток, на второй день — 9 поездов и наконец дошли до 12. Камень вывозили по узкоколейке.

Оставалось семь дней. Из Москвы вышли правительственные поезда. Подходили верблюды. На иных красовались плакаты — кочевники приветствовали турксибову армию.

Днем двадцать первого работа достигла такой быстроты, что едва ли поспешнее вытаскивают вещи из горящего дома, чем выбрасывали из ущелья камень. Еще суматошнее стало ночью. Газовые фонари, опущенные сверху на проволоке, и прожекторы тепловозов наполняют ущелье неровным крылатым светом, в котором пляшут кепки, руки, кирки, молоты и ломы, мелькают камни, катятся вагонетки.

Ни человечьих туловищ и ног, ни разбиваемых молотами камней, ни дна ущелья не видно — все тонет в тени.

Из ущелья доносится бестолковый гвалт. Редко-редко поймаешь раздельные слова. Вот сошла с рельсов вагонетка. Автовоз кличет подмогу. Фуражки — серые, в каменной пыли,— потоком, вперекувырк, мчатся на сигнал. Коллективное горло перекрывает галдение:

— Раз-два, взяли! Еще, взяли! Ну-ка, взяли! Ра-зом, взяли!

И снова галдение. Звенькают камни о железные бока вагонеток. Цокают молоты, перекликаются автовозы, пронзительно верещат пневматические буры.

А по холмам ходит ночь, и едва техник Кожевников отступил от обрыва на десять шагов, его охватила тишина и прохлада.

В темноте мягко тарахтит компрессор. Жмурясь и хлебая дым, машинист Каширин раздувает затухшие чурки.

Убедившись, что из этого кроме головной боли ничего не выйдет, он идет к машине и смачивает щепку бензином. Костер вспыхнул. Каширин метнулся к компрессору. Неторопливо вернулся обратно и, подбросив в костер чурок, очень важно объявил:

— Девяносто семь.

И, подумав, что гость мог не понять его, добавил:

— В одну секунду девяносто семь кубофутов дает.

Машинист расшевелил костер и заговорил снова:

— Факел бы можно зажечь, да бензин дорого стоит, а мне как комсомолу приходится итти во главе, а не то что зря бензин жечь.

Красная стрелка счетчика качнулась за сто, и машинист снова метнулся к компрессору.

— Подшипники вот сильно стучат. Надо бы разобрать картер и сейчас их подтянуть, а тут уж две недели машине остыть не даем. Машина, как человек, тоже устает, и работа теперь неважная: чуть не доглядел — подшипники полетели, а это все для государства дорого будет стоить. Да чего я говорю-то, вам получше меня все известно.

Машинист раскрыл промасленную книгу с фотографиями разнообразных моторов.

Техник Кожевников прилег на землю и тут только, в тиши, на прохладе, почувствовал усталость.

«Чорт возьми-то, — вспомнил Кожевников, — а ведь я как-никак три ночи не спал»...

Он нащупал рукой камень и, подтянувшись прямо на спине, положил на него голову. Засыпая, вспомнил, как сам совсем недавно работал подручным у токаря. «Не забыть бы насчет Каширина. Обязательно надо послать учиться. Сила-то какая будет!»

Кожевникову казалось, что он даже не заснул. Просто отложил на минуту размышления, и уже кто-то трясет за плечо.

— Товарищ инженер! А, товарищ инженер!.. Видать уморились вы; но только без технического надзора тоже нельзя. Вот и вагонетка опять соскочила. А, товарищ-инженер! Может вы ло нечаянности заснули?

Кожевников всмотрелся в черное небо. Откуда-то шёл непонятный галдеж.

— Е-ще, взяли!..

Кожевников рывком сел и тут только узнал Каширина.

*

С рассвета до полудня укладчики долбили камень, а в час дня, по первому сигнальному удару костылем по рельсу, зашагали по шпалам с костыльными молотками и ломиками на плечах.

Вот подскочили к вагонетке шестеро, рванули за вальки. Рельс со стоном падает. Седьмой из растяжки кричит:

— Отдай назад! Будя!

Оператор Востоккино, задумавший снять выбегание укладки из-за угла Огуз-Окургена, упустил момент и напрасно, перебегая с аппаратом от камня к камню, умоляет обо-

На верблюдах красовались плакаты.

ждать. Поздно! Рельс летит за рельсом. Вагонетки прихрамывают на стыках.

По-шла!

* * *

Натренькивая, из ущелья вырвался тепловоз с последними вагонетками камня и выбросил груз на полдороге: впереди укладчики разбирали узкоколейку, и кто-то скакал оттуда по шпалам через две на третью, угрожающе размахивая руками.

У тепловоза поняли гонца сразу: укладчикам нужно полотно, узкие колеи должны уступить место магистрали. Вагонетки полетели под откос.

Неизвестно откуда возникшая артель стаскивала с насыпи узкоколейку, устраивая сходни для тепловоза. Сунувшись на них, тепловоз накренился набок и принялся скликать на подмогу.

В ущелье началась рукопашная.

В ту же минуту запыхавшийся человек — это был Гнусарев — подсунул под рельсу лом и, поддерживая ее, скомандовал:

— Гони!

Едва тепловоз сошел с полотна, следом за ним полетели последние звенья узкоколейки. Второпях их даже не разобрали. И сейчас же полотно покрылось клавишами шпал.

В ущелье началась рукопашная. Грабари ударили от укладки с последними камнями. С обрыва летели шпалы.

В двух местах выемка оказалась узка: выступы камня тут же раздробили и увезли щебень.

*

Товарищу паровозу долго пришлось скликать население укладочного городка. Люди не уходили от последнего стыка. Некоторые, приставив козырьком руку, критически посматривали на юг, на север, но миража не было, рельсы действительно сомкнулись. Они бегут от Луговой до Семипалатинска и, примкнув к другим дорогам, по всему СССР. На географических картах встретились флажки, выставленные три года назад в дверях Туркестан и в дверях Сибири.

Уезжая на другое строительство, Чижов не приминул задеть Михалыча.

— А правда, старик, будто Инсус на осле в Иерусалим въехал?

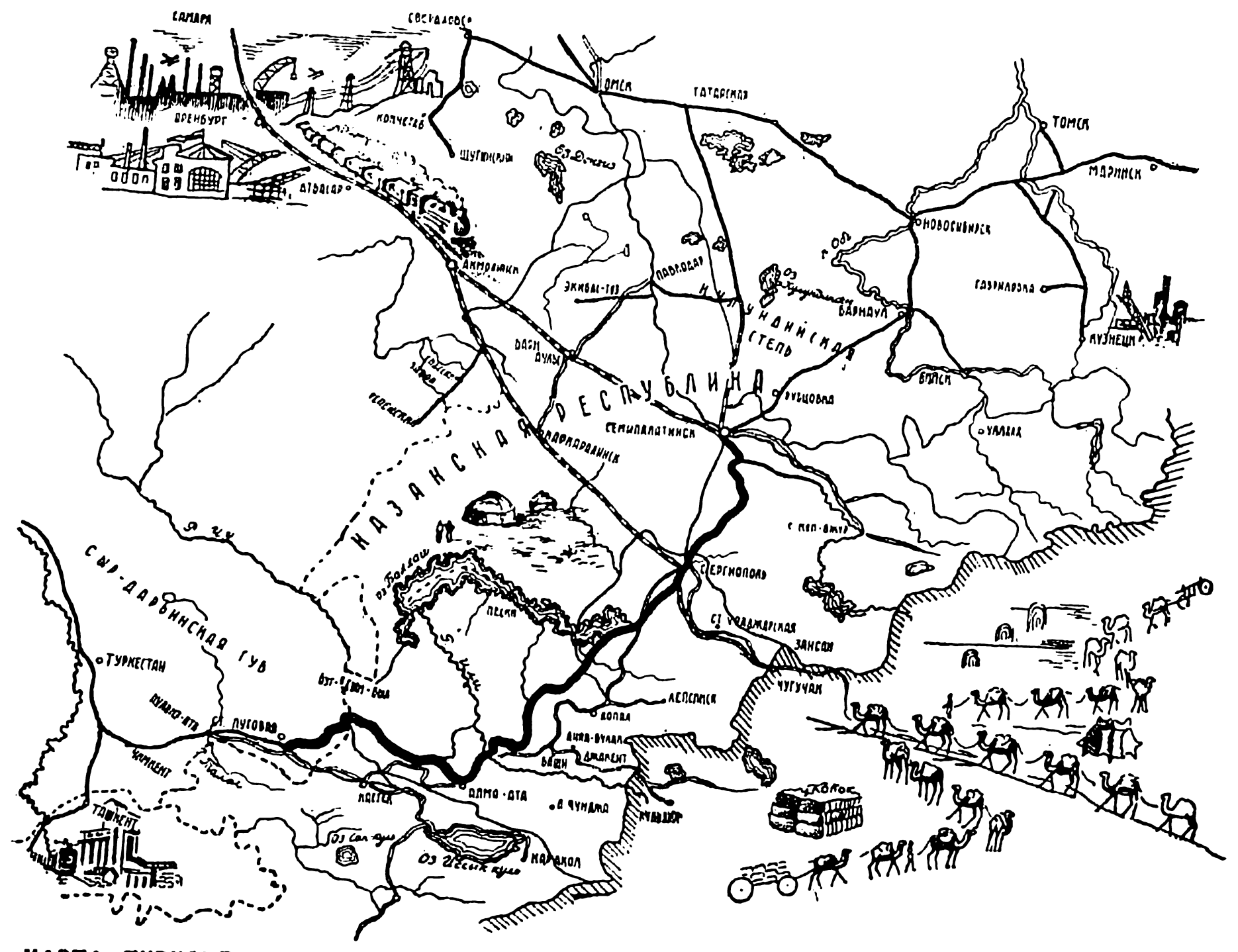
— Не знаю уж, можа и въехал.

— Я вот думаю: зачем ему было на осле ехать? Сказал бы: да будет иерусалимская магистраль, и покатил в мягком вагоне.

— Костылей у него не было, — задорно отвечает Михалыч, — вот и не сказал.

* * *

Осенью 1927 г. через пески и горы вышли встречные поезда. Расстояние — 1442 километра. Скорость дана такая-то. Когда поезда встретятся? Составители арифметических задач, Шапошников и Вальцев, без запинки ответили бы: 1 октября 1931 г. Так по плану и следовало. Но они срезались бы на этой задаче. Поезда встретились раньше на целых семнадцать месяцев. Задачи системы Шапошникова и Вальцева не учитывают таких слагаемых, как социалистическое соревнование и отвага людей пролетарского класса, строящего социализм.



КАРТА ТУРКСИБА И НОВЫХ, ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ: ВЕТКИ К КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ И ЛИНИЙ АЗИИ, СВЯЗЫВАЮЩИХ ЕВРОП. ЧАСТЬ СССР С ТУРКЕСТАНОМ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Вступительное слово 1

Первый очерк

На Курдаем вьются самолеты—«Форды» в Прибалхашьи.— Ход по Чокпару . . . . . 5—14

Второй очерк

Брод по каменным хребтам и песчаным равнинам.— Городок на колесах.— Казаки.— Чуйские комары . . . . 14—25

Третий очерк

На штурм Чокпара.— «Марион» и кетмень.— Изобретатель.— Ветер с Курдая.— Первый поезд . . . . . 25—40

Четвертый очерк

Укладка по берме.— Первая победа скепперов.— Омоложение Сергиополя . . . . . 40—48

Пятый очерк

Вода по книжкам.— Третья столица Казакстана.— Необычайные похождения Вовки на станции Алма-Атма . . . 48—59

Шестой очерк

Вертай назад!— Нет, дудки!— На лодках по Балхашу.— Говорит Москва . . . . . 60—70

Седьмой очерк

Падение Огуз-Окургена.— Можно ли застудить тепляки?— Марсиане в Илийске . . . . . 70—76

Восьмой очерк

На новой станции.— Вдоль фронта.— Казакстанское судоходство в опасности . . . . . 76—86

Девятый очерк

Схватка на реке Биже.— Айна Булак взят.— На чем сразились бы Шапошников и Вальцев . . . . 86—93

Заказы направлять:
Москва, ГСП 1, Богоявленский пер., 4.
КНИГОЦЕНТР
Отдел юношеской и детской литературы.